Татьяна
Корсакова
СЛЕЗА АНГЕЛА
ЛЮБОВНЫЙ АМУЛЕТ

Любовный амулет

Татьяна Корсакова

Слеза ангела

«Автор»
2009

Корсакова Т. В.

Слеза ангела / Т. В. Корсакова — «Автор», 2009 — (Любовный амулет)

ISBN 978-5-699-36321-6

У этого камня есть имя – «Слеза ангела». В его изменчивой, как дым, сердцевине спрятана жизнь. Это не вещь, не украшение – источник вечной молодости, спасение для бренного тела и… погибель для бессмертной души. Для посвященного охота за камнем – смысл жизни, для непосвященного – смертельная игра.Светлана оказывается втянутой в эту игру помимо собственной воли. Она последняя хозяйка камня. Вокруг нее – обман и предательство. Чтобы выжить и остаться человеком, ей важно понять, можно ли доверять тому, кто рядом, – самому любимому и единственному…

ISBN 978-5-699-36321-6

© Корсакова Т. В., 2009
© Автор, 2009

Содержание

Избранница 5
Сабурин 15
Избранница 20
Сабурин 25
Избранница 31
Избранница 35
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Татьяна Корсакова
Слеза ангела

Избранница

«…И поднимался ангел все выше и выше на своих золотых крыльях. И плакал он, глядя сверху на гибнущий город. И рассыпались слезы его, превращаясь в сияющие камни…»

Конверт без обратного адреса Света нашла этим утром в своем почтовом ящике. Совершенно, можно сказать, случайно. Писем она не получала уже лет пять, да и газет не выписывала – зачем, если есть телевизор и Интернет? – поэтому и в ящик практически никогда не заглядывала. Ну, разве что время от времени, чтобы выгрести из него пачку никому не нужных политических листовок и рекламных проспектов. А сегодня ее точно магнитом потянуло.

Магнитом оказалось вот это странное письмо. Если бы не ее фамилия, выведенная мелким каллиграфическим почерком на длинном дымчато-сером конверте, Света, пожалуй, решила бы, что письмо – это происки каких-нибудь сектантов, а так получалось, что послание адресное, именно для нее, Светланы Корнеевой, предназначенное.

Только вот тайный смысл этого «письма счастья» она постичь не могла, как ни пыталась. Какие-то плачущие ангелы, сияющие камни, туманные намеки на приход девы-избранницы и грядущего искупления – все очень аллегорично, путано и почему-то тревожно. Именно колкое, ничем не объяснимое беспокойство в самый последний момент удержало Светину руку, уже тянущуюся к мусорному баку.

«Письмо счастья» казалось не просто странным, оно было загадочным. Расплодившиеся в Москве религиозные секты не стали бы тратить на привлечение новых адептов такую качественную, явно недешевую бумагу и не изъяснялись бы полунамеками. Секты действуют намного прямолинейнее: со свойственной всем подобного рода организациям безапелляционностью вещают о приходе очередного мессии, зазывают на семинары и тренинги. А тут ничего подобного. То, что лежало в конверте, и письмом-то назвать сложно, скорее уж цитатой из какой-то книги или отрывком из дневника.

Разбираться с посланием не было времени: занятия в универе начнутся через полтора часа, а она еще даже не умывалась после работы. Она подумает об этом как-нибудь потом. Возможно, на лекции…

На лекции уделить внимание таинственному посланию тоже не получилось. Стоило Свете развернуть хрусткий, испещренный бисерным почерком лист, как не ко времени активизировалась подружка Ритка. У Ритки случилась любовь с первого взгляда – как минимум пятая за семестр, – и теперь подружке не терпелось поделиться впечатлениями. Впечатления оказались, как всегда, незабываемыми, а кавалер – чистый эксклюзив.

– Прошлый был тоже чистый эксклюзив, – Света зевнула: сказывалась ночь, проведенная на ногах. Ну его к черту, это письмо-счастье, лучше подремать хоть немного.

– Это ты о том мажоре? – Ритка презрительно фыркнула. – Ну сравнила! Тот маменькин сынок, а этот настоящий мужик, солидный, красивый, щедрый.

Щедрый? Это что-то новенькое. Все предыдущие Риткины ухажеры, безусловно, были солидными и красивыми, но вот со щедрыми ей как-то не везло.

– Он меня в такое место водил, – подружка восторженно закатила глаза.

– Какое? – Света спрятала письмо между страницами конспекта, сдвинулась в сторону, так чтобы широкая спина сидящего впереди старосты группы Ивана Рожка загораживала ее от лекционной трибуны, положила голову на скрещенные руки и прикрыла глаза.

– Не могу пока сказать, – подружка перешла на заговорщицкий шепот, – он просил об этом не распространяться.

– Даже мне не скажешь? – Света открыла один глаз.

– Никому, – Ритка сокрушенно покивала головой. – Ты не представляешь, насколько у них там все круто, почти как взаправду.

– Где – там?

– Там, где я была. Ну, в том месте, о котором нужно молчать.

Света вздохнула. Что еще за тайны мадридского двора? Раньше Ритка делилась с ней всем-всем, даже такими интимными подробностями, о которых запросто можно было бы промолчать, а тут такая секретность.

– Корнеева, ты не обижайся. Хорошо? – подружка погладила ее по плечу. – Я там пообвыкнусь, присмотрюсь, а потом, может, он согласится и тебя с собой взять.

– Куда? – Света снова зевнула.

– Туда! Какая же ты непонятливая! Они особенные и почти как настоящие.

– Не нужно меня никуда с собой брать. И вообще, я спать хочу. Отстань, а?

Однако Ритка не отстала. С ловкостью фокусника она выдернула из Светиного конспекта сложенное вдвое письмо и прочла с придыханием:

– И сказал ангел деве: «Ты избрана, и дар мой – отныне ноша твоя». – Подружка черкнула острым ногтем по письму, оставляя на плотной бумаге глубокую царапину. – Корнеева, что это за ерунда такая?

– Не знаю, – спать Свете хотелось намного сильнее, чем разбираться с загадочным посланием. – Сегодня утром достала из почтового ящика.

– Почерк такой интересный, с завитушечками, – Ритка склонилась над письмом так низко, что едва не коснулась его кончиком носа. – И чернила странные, – она поскребла ногтем одну из букв, – бурые какие-то.

– Может, выцвели?

– Да ну, выцвели! Бумага-то совсем новая, – Ритка задумчиво посмотрела сначала на свой безупречный маникюр, потом снова на письмо и сказала уверенно: – Корнеева, а письмецо-то кровью писано.

– Ну, конечно, чем же еще, как не кровью, нынче письма писать?! – Света отобрала послание, сунула обратно в тетрадку с конспектами, но перед тем, как сунуть, все ж таки на секунду задержала взгляд на и вправду красно-бурых строчках. То, что писали не шариковой ручкой, – это факт. Ну так ведь и перьевые ручки сейчас не редкость. А чернила… Может, некачественные попались… – Рит, я ночь на ногах. Совесть поимей!

Подруга неодобрительно покачала головой, но развивать тему не стала, и на целых сорок минут Света погрузилась в сладкую дремоту. А потом все пошло наперекосяк. Она так расслабилась, что не заметила, как на втором часу лекции Иван Рожок сменил дислокацию, сдвинувшись в сторону. В результате этих его маневров перед Светой образовалась брешь, а сама она оказалась вся как на ладони.

– Корнеева! – Громогласный бас лектора, который по совместительству был еще и деканом их факультета, грубо вырвал Свету из объятий Морфея.

Она встрепенулась, осоловело посмотрела сначала на лектора, затем на что-то увлеченно калякающую в тетрадке Ритку – паразитка, хоть бы предупредила вовремя! – пнула ногой стул сидящего впереди Ивана. Тоже хорош гусь – о ближних не думает совсем!

– Корнеева, если вы думаете, что здесь вам зал ожидания, то сильно заблуждаетесь, – декан не поленился, выбрался из-за кафедры, сделал пару шагов по проходу и гневно взмахнул здоровенной деревянной указкой. – Это вам не зал ожидания, любезная! Это лекционный зал. И вести себя здесь надлежит подобающе, как в храме науки! А то привыкли у себя там… –

он не договорил, но многозначительно пошевелил кустистыми бровями, давая понять, что в курсе Светиной двойной жизни.

Конечно, в курсе! У самого же рыльце в пушку. А может, хватит терпеть эти бесконечные придирки, взять да и слить весь компромат на уважаемого декана его дражайшей супруге? То-то она обрадуется…

– Встать, когда с вами преподаватель разговаривает! – гаркнул декан. Это ж надо, с виду сморчок сморчком, а бас – как у армейского командира, да и замашки соответствующие.

Света бросила еще один убийственный взгляд на притихшую Ритку, медленно встала из-за стола.

– А теперь покиньте аудиторию! – Декан уничтожающе улыбнулся. – Завтра жду вас у себя с конспектом лекции. И запомните, Корнеева, я сказал – с конспектом лекции, а не с ксерокопией конспекта.

Вот ведь урод! Света смахнула в рюкзак блокнот. Теперь придется потратить два часа на переписывание этой ахинеи. Декан любит, чтобы все было чистенько-красивенько, без сокращений и, упаси господь, без исправлений. Небось еще начнет красной ручкой грамматические ошибки править, извращенец… Она вышла из аудитории, не забыв при этом громко хлопнуть дверью. Глупо, конечно, конфликтовать с администрацией, но по-другому никак, у нее нервы не железные. Ладно, если станет совсем уж невмоготу, придется-таки прибегнуть к крайним мерам.

В отличие от мрачноватой прохлады университетского холла во дворе было тепло, если не сказать жарко. Света нацепила на нос черные очки, поглубже надвинула бейсболку, уселась в скверике, в уютной тени от развесистых лип, подсунула под ноющую поясницу рюкзак и закрыла глаза…

– …Корнеева, подъем! Царство небесное проспишь! – Кто-то нагло и фамильярно тряс ее за плечо.

Света открыла один глаз, проворчала:

– Изыди, нечистый.

Иван Рожок, а это именно он пытался призвать ее к порядку, совсем не обиделся, присел рядом и сказал ехидно:

– Извини, я как-то забыл, что на лекциях ты все время спишь. Увлекся.

– Увлекся он. – Света потянулась. – А меня из-за твоих увлечений с лекции турнули.

Иван многозначительно хмыкнул, но в полемику предпочел не вступать и спросил вполне миролюбиво:

– А чего он до тебя докопался?

– Кто?

– Декан.

– Работа ему моя, понимаешь ли, не нравится.

– А он знает, где ты работаешь?

– Как видишь. – Света, покрутив головой, запоздало поинтересовалась: – А Ритка где?

– Отпросилась. Занемогла наша красавица.

– Да что ты говоришь?! – Света всплеснула руками. – А на лекции была здоровее всех здоровых.

– Вот и училась бы у нее, как сухой из воды выходить, – посоветовал Иван. – Ритка никогда ни с кем не конфликтует. Не учит же ни хрена и при этом крепкая хорошистка. А все почему? – Он поднял вверх указательный палец. – Потому что понимает, что такое человеческий фактор.

– Человеческого фактора, Ваня, мне на работе выше крыши хватает, – Света решительно встала. – Пойдем, а то на пару опоздаем.

На пару они не опоздали, но Свету это не спасло. Интуиция не зря нашептывала, что если утро началось не с дуги, то и весь день пойдет наперекос. Так оно и вышло. В расписании занятий произошли изменения, и вместо милейшей Евгении Евгеньевны в аудиторию заявилась Марья Сановна, мымра, каких поискать, и, между прочим, супруга декана. Она окинула разом сникшую компанию орлиным взором, причем Свете показалось, что на ней взор задержался дольше, чем на остальных. Ох, не к добру это…

Интуиция не подвела. Вместо опроса Марья Сановна устроила фейсконтроль. Естественно, ей не понравился именно Светин фейс.

– Корнеева, что у вас с лицом? – прошипела она.

Вообще-то, с лицом у нее было все более или менее нормально, если не принимать во внимание синяки под глазами, появившиеся после бессонной ночи.

– А что с моим лицом? – на всякий случай уточнила Света.

– Оно у вас, как… – Марья Сановна не договорила, уставившись теперь на ее руки.

Руки как руки. Ну да, маникюр ярковат, но его в универе еще никто не запрещал, как и синяки под глазами. Можно подумать, ей самой так уж нравится алый лак. Это все издержки профессии – ее руки всегда должны находиться в идеальном состоянии и обращать на себя внимание в том числе ярким маникюром. Конечно, вернувшись домой, лак стоило стереть, но теперь уже что…

– Извольте покинуть аудиторию, – Марья Сановна взмахнула рукой в направлении двери.

– Почему? – Вот дурная у нее привычка докапываться до сути вещей. И без того же ясно – почему. Потому что эта мымра имеет на нее зуб. Наверняка супружник наябедничал.

– Потому что ваш внешний вид не соответствует высокому званию российского студента, – отчеканила Марья Сановна.

– Что-то я не видела в университетском уставе пункта, касающегося цвета ногтей, – буркнула Света, недовольно косясь на делающего ей предупредительные знаки Ивана.

– Корнеева, вам что-то не нравится? – Марья Сановна растянула губы в недоброй улыбке. – Так сходите в деканат, пожалуйтесь на преподавательский произвол.

Вот, значит, как! Выходит, у них там не только семейный подряд, но еще и круговая порука! Ладно, видит бог, она не хотела опускаться до грубого шантажа, но если миром не получается…

Света собрала вещи, посмотрела на застывшую каменным истуканом Марью Сановну.

– Всего хорошего! – В конце концов, ей же еще и лучше, сейчас поедет домой и выспится наконец по-человечески.

– Рано расслабились, Корнеева, – Марья Сановна мстительно блеснула очами. – Встретимся в субботу на отработке!

Все, если у Светы еще оставались сомнения, то после этих слов они рассеялись как предрассветный туман. Сегодня же надо будет попросить Лешку, чтобы сбросил ей на диск запись, на которой пьяный в зюзю декан обнимается с девицей легкого поведения и просаживает денежки из семейного бюджета за игральным столом. А на что он рассчитывал?! Думал, что будет ее прессовать, а она и ответить не сможет? Забыл, видать, старый хрыч, что в казино ведется постоянное видеонаблюдение. Хорошо бы Лешка работал сегодня в ночную смену, потому что с его напарником договориться не получится, а время идет, и хотелось бы к завтрашней встрече с деканом быть во всеоружии.

Несмотря на то что до полудня оставалось еще много времени, солнце уже палило вовсю. Света чертыхнулась, достала из рюкзака бейсболку, надвинула ее на самый нос. С солнцем у Светы с детства были очень сложные отношения. Солнце ее не любило, ну и она, разумеется, отвечала ему взаимностью.

А о какой любви может идти речь, когда ты – альбинос, и солнечный свет для тебя не то чтобы смертелен, но достаточно неприятен? Это только обывателям кажется, что альбинизм –

чисто косметический дефект, а на самом деле проблема куда серьезнее. Светлую кожу можно запудрить или замазать тональным кремом. Волосы, брови и ресницы – покрасить. Проблема с чересчур светлыми, до прозрачности, глазами решается с помощью цветных контактных линз. Принимая во внимание арсенал имеющихся у современной женщины косметических средств, устранить недостатки во внешности легко. Основная же неприятность заключается в другом: в повышенной светочувствительности. Кожа, лишенная меланина, сгорает практически мгновенно, покрывается волдырями, потом очень долго шелушится. Примерно та же беда творится с глазами: от солнечного света на сетчатке могут появиться самые настоящие ожоги. Постоянно приходится щуриться, зимой и летом ходить в солнцезащитных очках. Казалось бы, мелочь, а очки многих раздражают. Людям гораздо комфортнее, когда они видят глаза собеседника. И с одеждой возникают проблемы: кофточки с коротким рукавом днем не поносишь, миниюбки тоже. Вернее, поносить-то можно, но недолго. А вот расплачиваться за эту красоту и сексуальность придется много дней, потому что даже солнцезащитные кремы не спасают кожу от ожогов.

Вот именно из-за этих неприятностей Света предпочитала темное время суток и межсезонье, хотя глубоко в душе мечтала о море и жарком пляже. Это, конечно, и вовсе не достижимо, но так хочется…

В ее крохотной квартире царил кавардак. Ничего удивительного – она сама же это безобразие и сотворила. После ночной смены в казино между работой и учебой у нее оставалось чуть больше часа на то, чтобы принять душ, смыть с кожи и волос запах сигаретного дыма, переодеться и выпить чашечку кофе для бодрости. Времени на то, чтобы разложить вещи по своим местам, не оставалось. Единственное, чего она себе не позволяла ни при каком раскладе, – это грязную посуду в мойке. За грязную посуду ее особенно сильно ругал дед, пока был жив…

Обычно Свете не ставили две ночи подряд, но у сменщицы Лоры Степановой заболел ребенок, и прошлой ночью пришлось выйти сверхурочно. А будущая ночь – это уже ее законная. Две ночи на ногах и без сна она точно не выдержит, так что черт с ним, с порядком, сначала нужно отоспаться.

Отоспаться Свете не дали. Стоило только задремать, как затрезвонил мобильник. Не открывая глаз, она нашарила на тумбочке телефон, поднесла к уху и гаркнула во все горло:

– Ритка, я тебя убью!

В трубке послышалось сначала глупое хихиканье, а уже потом голос подруги:

– Угадай, куда я сейчас собираюсь.

– Не знаю, – застонала Света.

– Я собираюсь в то самое место.

– Какое то самое место?

– То самое, про которое мне никому нельзя рассказывать.

– Ну так и не рассказывай. Зачем звонишь-то?

– Как думаешь, какое мне платье надеть? – Ритка ничуть не смутилась. – Он сказал, чтобы обязательно было вечернее платье. Ну, так какое: бирюзовое или черное?

– Ритка, иди к черту! Мне через пару часов опять на работу, – свободной рукой Света помассировала раскалывающийся от боли висок. Кажется, придется пить обезболивающее, потому что если она не выпьет его сейчас, потом станет совсем плохо, а впереди еще одна бессонная ночь.

– Правильно, я тоже думаю, что бирюзовое больше подходит к случаю, – сказала Ритка. – Я в нем вся такая трогательно-невинная.

На мгновение Света даже позабыла про головную боль. Трогательно-невинная! И это после надцатой по счету «любви с первого взгляда».

– Но, с другой стороны, в черном я вся такая роковая, – не унималась подруга. – Опять же, черное стройнит.

– Иди в черном, – Света сползла с дивана, нашарила в сумке таблетки, побрела на кухню за стаканом воды.

– Или все-таки бирюзовое? – вопрошал тем временем мобильник.

– Ритка, иди вообще без платья – произведешь фурор!

– У них, кажется, без платьев не принято. Они ж не нудисты.

– А кто они?

– Не могу сказать, – подруга горестно вздохнула. Чувствовалось, что поделиться секретом Ритке хотелось до зарезу, но, похоже, таинственный незнакомец взял ее в нешуточный оборот, если она не рассказывает о своих планах даже лучшей подруге. – Ты бы видела его тачку! Это же бэтмен-мобиль, а не машина! – сообщила Ритка доверительным шепотом. – Снаружи черная-черная, а изнутри отделана красной кожей. Стоит, наверное, дурных денег. Корнеева, кажется, я влюбилась насмерть.

– В бэтмен-мобиль? – Таблетка застряла на полпути и не желала двигаться дальше. Света сделала глоток воды, покашляла.

– Да при чем здесь бэтмен-мобиль? – обиделась Ритка. – Я влюбилась в его хозяина. Он такой необычный.

– Рита, во-первых, ты повторяешься, – таблетка наконец проскользнула в желудок, – а во-вторых, будешь болтать – опоздаешь на свидание. Скажи хоть, это твое загадочное место, про которое нельзя говорить, в городе?

– За городом. Так что с платьем?

– Хоть бы что, – буркнула Света. – Ты там смотри, не позволяй этому бэтмену голову себе дурить и денег с собой на всякий случай возьми.

– Зачем? – удивилась Ритка.

– На обратную дорогу. А то мало ли, вдруг бэтмен-мобиль сломается.

– Вот умеешь ты поддержать, Корнеева. И откуда в тебе столько пессимизма?

– Я не пессимист, я реалист. И бэтменов всяких разных насмотрелась, причем в среде их естественного обитания.

– Мой не такой, – сказала Ритка убежденно.

– Не обольщайся, все они одинаковые. – Конечно, у подруги романтическое свидание, но нельзя же быть такой неисправимой идеалисткой. Кто-то должен отобрать у нее розовые очки. – Ладно, Рит, развлекайся и мне звони, если что.

– «Если что» не случится, – заверила ее подружка и отключилась.

Света покачала головой, положила мобильный на кухонный стол, сама уселась тут же на табуретку. Все, стараниями Ритки сон как ветром сдуло. Она осмотрелась – самое время для генеральной уборки. Завтра пятница, впереди выходные, пусть не совсем полноценные – в воскресенье в ночную смену выходить, – зато, если удастся разжиться диском с компроматом на декана, про субботнюю отработку можно будет забыть. Вряд ли декан захочет, чтобы запись попала в руки его благоверной. Света улыбнулась. Получается, что относительно свободными у нее будут и суббота, и воскресенье. Это ж какая роскошь! Сейчас надо только поднапрячься, сделать уборку, перегладить ворох скопившегося за неделю белья – в общем, поработать на благо своего светлого будущего. А то, что не выспалась… Ну что ж, как раз для таких форс-мажорных обстоятельств и придуманы энергетические напитки.

В казино Света пришла на полчаса раньше, специально, чтобы иметь возможность осуществить свой иезуитский план с компроматом. Хоть здесь ей повезло – на смене был Лешка, значит, есть шанс договориться. Лешка немного поартачился, но потом согласился-таки просмотреть запись за прошлую субботу.

– Ничего не обещаю, – сообщил он, включая аппаратуру. – Сначала сам гляну что к чему, а уж потом решу. Время-то хоть какое? С какой камеры смотреть?

Света нахмурилась, припоминая.

– Время около двенадцати ночи, вторая камера, – она осторожно погладила Лешку по плечу. – Лешенька, ну, пожалуйста, мне очень нужно.

– Всем что-то нужно, – проворчал тот, колдуя над клавиатурой, – а мне потом Борман башку снесет.

– А он и не узнает, я ж специально пораньше пришла, чтобы у тебя проблем с начальством не возникло.

– Предусмотрительная, да? – Лешка кивнул на монитор, на котором мелькали кадры ускоренной перемотки. – Ну, смотри, который из этих удальцов тебе нужен.

– Рано, – Света покачала головой. – Чуть вперед прокрути. Стоп!

Лешка нажал на паузу, и на экране застыла блаженно жмурящаяся морда декана.

– Этот?

– Он самый. Значит, мне нужно с этого момента и до того, как он закончит лапать проститутку.

– Подожди. Надо ей, видите ли, а кто он вообще такой?

– Да так, козел один.

– Он, может быть, и козел, но в первую очередь клиент казино. Смотри, Света, если ты задумала что-нибудь противозаконное…

– Леш, – она сложила руки в умоляющем жесте, – ну посмотри на меня! Я же олицетворение законопослушности.

– А этот, – Лешка кивнул на экран, на котором в этот самый момент декан гладил проститутку по заднице, – олицетворение чего?

– Вот тебе наглядная иллюстрация, – Света поморщилась. – В общем, он мой декан. Он мне прохода не дает, вот и решила подстраховаться.

– В каком смысле прохода не дает? Домогается, что ли? – Лешка грозно нахмурился.

Света на секунду задумалась. Конечно, о физическом насилии речь не идет, а как насчет морального?..

– Домогается, – сказала она и для пущей убедительности потупила очи.

– Так, может, я ему просто морду набью? – предложил сердобольный Лешка.

– Не надо ему морду бить, мы все цивилизованно решим. Пригрожу, что покажу это безобразие его жене, – и все дела.

– Физическое внушение – оно как-то надежнее, а то мало ли что? Вдруг жаловаться прибежит. Информация-то конфиденциальная.

– Не прибежит, ему же самому лишний шум не нужен.

– Эх, подведешь ты меня когда-нибудь под монастырь, – Лешка отправил в дисковод услужливо подсунутый Светой диск. – Имей в виду: если меня подпалят и с работы турнут, я к тебе жить приду.

– Не подпалят, – Света чмокнула его в щеку. – Спасибо, Лешенька, ты настоящий друг.

Лешка пробурчал в ответ что-то невразумительное и расплылся в довольной ухмылке:

– Вьешь ты из меня веревки, Корнеева.

Она не стала спорить, энергично покивала, сказала с придыханием:

– Алексей, ты мой герой!

– Да ладно тебе, – его улыбка стала еще шире. – Заходи почаще, а то тут скука неимоверная.

– Так уж и скука, – Света спрятала в сумочку диск с компроматом. – Может, математик сегодня придет, вот и повеселитесь.

«Математиками» они называли тех чудаков, которые играли в рулетку не просто так, а по системе. По роду службы Света была знакома с дюжиной таких «беспроигрышных» систем. В теории они выглядели гладко и иногда даже логично, но теория и практика – совершенно разные вещи. И Света, вот уже без малого три года отработав крупье, знала это как никто другой. В казино нет и не может быть системы. Выигрыш – это всегда случайность, улыбка фортуны. Иногда, правда, выигрыш может стать результатом нечистоплотной игры или использования подручных средств. На курсах им рассказывали про парочку английских парней, которые вмонтировали мини-компьютер в мобильный телефон. Компьютер этот вроде бы просчитывал скорость вращения рулетки и вероятность выпадения того или иного числа. Говорят, те ребята сорвали очень большой куш, правда, однократно, больше их на порог казино не пустили. Но тот случай – скорее исключение из правил, чем закономерность.

В постоянных Светиных клиентах числился один весьма приятный интеллигентный дяденька из числа вялотекущих лудоманов, который был абсолютно уверен, что выиграть можно, изучив и просчитав технику и силу броска крупье. Свои безобидные изыскания он проводил за Светиным столом, мелким выигрышам радовался как ребенок и приписывал их исключительно своей гениальной системе, хотя Света прекрасно понимала, что никакая это не система, а чистейшей воды теория вероятностей. Дяденька был безобидным, проигрывал гораздо больше, чем выигрывал, поэтому на его причуды администрация казино смотрела сквозь пальцы. А вот к остальным «математикам» отношение было не столь лояльным. Иногда, хоть и крайне редко, среди них попадались подозрительно везучие товарищи. За такими наблюдали с особенным вниманием и, когда их выигрыш достигал некоей «критической массы», вежливо, но настойчиво просили покинуть заведение. В случае, если клиент попадался особо непонятливый и строптивый, просьбы сопровождались физическим внушением. Как любила говаривать Светина начальница Ангелина Леонидовна: «Игорный дом – это не благотворительный фонд, это машина для зарабатывания денег, и задача персонала своевременно выявлять и нейтрализовывать всякого рода везунчиков».

Вот как раз один из таких «математиков»-везунчиков и нарисовался на горизонте четыре дня назад. Первый его визит пришелся на Светину смену, и стол для игры он выбрал именно ее. Наверное, решил, что если она самая молодая из крупье, то ничего подозрительного не заметит. Поначалу она и не заметила. Клиент как клиент, с виду ничего особенного. Лет около тридцати – тридцати пяти, из-за сизой щетины не определишь точнее. Лицо симпатичное, лишь самую малость мрачноватое, но не одержимое игрой, как у некоторых, а так, в меру заинтересованное. Одет без изысков: в джинсы и кожаный пиджак. Не пьет, не курит, пошлых шуток в ее адрес не отпускает – в общем, идеальный клиент. Был бы идеальным, если бы не оказался «математиком»…

«Математика» Света вычисляла по глазам. Когда человек в уме производит расчеты, это сразу видно: взгляд становится сосредоточенным и слегка отрешенным. С обычными игроками все иначе. На их лицах, как правило, отражается масса разнокалиберных страстей и эмоций, спектр которых весьма широк: от предвосхищения скорой победы до ярости из-за проигрыша.

Этот парень точно был «математиком», но как ни старалась Света вычислить его систему, ничего путного у нее не выходило. А система была, причем какая-то на удивление действенная. Он стал выигрывать примерно через час после начала игры, при этом старался не привлекать к себе излишнего внимания, ставки увеличивал по чуть-чуть, а еще через три часа, на самом пике везения, взял и свернул игру. Ни один нормальный игрок так не поступит. Если фортуна тебе улыбается, надо выжимать из ситуации все по максимуму. Этот выжимать не стал, потому что у него была система, а система – это антипод азарта. Никакой интуиции, никаких заклинаний богов, лишь трезвая голова и чистый расчет. А еще невиданная щедрость – двести долларов чаевых. Точно «математик».

Следующей ночью «математик» не пришел, но зато нарисовался днем и продолжил испытывать свою систему на деле, к слову, весьма успешно. А минувшей ночью парень вновь появился за Светиным столом. Вел он себя по-прежнему осторожно, но уже чуть наглее и ровно через четыре часа ушел с весьма приличной суммой, не забыв оставить хорошие чаевые.

Чаевые – это, конечно, очень приятно, лишние двести баксов в хозяйстве пригодятся, но работа есть работа, и Ангелину Леонидовну Света все-таки в известность о «математике» поставила. Правда, оказалось, что та в курсе, и что Борман, начальник службы безопасности, уже присматривается к подозрительному клиенту.

О том, какие меры могут быть приняты к «математику», Света предпочитала не задумываться. Скорее всего, для начала Борман просто побеседует с ним по-хорошему, разъяснит политику казино. Если клиент окажется сообразительным и благоразумным, дело закончится миром. Если же начнет упрямиться, парням из службы охраны придется использовать более действенные меры вразумления. Вот и весь расклад. У них казино, а не благотворительный фонд, и то, что клиент не жульничал, а всего лишь использовал «беспроигрышную систему», никого волновать не станет. Так даже еще хуже: «беспроигрышная система» – это же кошмар для владельцев игорных домов.

– Он уже пришел? – спросила Света, вглядываясь в лица посетителей на экране наблюдения.

– Рано еще, – Лешка до хруста в суставах потянулся. – Если и заявится, то часикам к двенадцати, не раньше. Свет, а ты в самом деле веришь, что у этого чудика есть система?

– Не знаю, – она пожала плечами.

– А может, с рулеткой что не так? Ну там крен какой?

– Нет никакого крена, ее на днях проверяли.

– А ты ему не подыгрываешь? – Лешка хитро сощурился.

– Я?! – Света задохнулась от возмущения. – Да ты что?!

– Ладно, не обижайся. Это я просто так спросил, не подумавши. Борман материал по нему уже несколько раз просмотрел – вроде все чисто.

– Ну, спасибо, успокоил, – фыркнула Света. – А что, Борман в самом деле считает, что я могу быть причастна?

От этих мыслей в желудке неприятно заныло. Начальника службы безопасности, недаром прозванного Борманом, боялись все сотрудники казино. Было в этом невысоком, лысом мужике, по слухам, отставном полковнике ФСБ, что-то такое, отчего хотелось сразу же раскаяться во всех грехах и начать сотрудничать со следствием. И то, что он обратил на Свету свой пристальный взгляд, было не очень хорошим предзнаменованием.

– Да что ты сразу скисла? – Лешка ободряюще улыбнулся. – У него же работа такая.

– Всех подозревать?

– Нет, следить за порядком. Иди-ка ты лучше, а то засечет тебя здесь – точно проблем не оберемся.

Просить дважды Свету не пришлось. Кому нужны лишние неприятности? Кивнув на прощание Лешке, она выскользнула в коридор. До начала смены оставалось пятнадцать минут, как раз на то, чтобы переодеться.

В игровом зале было непривычно малолюдно. Может, хоть на сей раз повезет и ночь выдастся спокойной.

– Корнеева, – послышался за спиной знакомый голос.

Света обернулась.

– Добрый вечер, Ангелина Леонидовна.

– Добрый, – начальница окинула ее придирчивым взглядом. – Ты сегодня работаешь за пятым столом.

Обычно Света работала за седьмым, но спрашивать, чем вызвано неожиданное перемещение, не стала. Скорее всего, это проверка на вшивость, способ выяснить, есть ли между ней и «математиком» связь. Тут возможны два варианта. Первый – для «математика» важна привязка к конкретному месту, и тогда придется еще раз осмотреть рулетку. И второй – «математик» завязан не на столе, а на крупье. Вот этот второй вариант для Светы самый неприятный. Конечно, она ни в чем не виновата, но попробуй доказать это Борману. Эх, лучше бы «математик» вообще не пришел…

Светины мольбы не были услышаны. «Математик» нарисовался в игровом зале в половине первого, постоял секунду-другую в раздумьях, окинул присутствующих ленивым взглядом и направился в ее сторону. Света мысленно застонала. Все, свидания с Борманом и допроса с пристрастием не миновать. Это в самом лучшем случае, а в худшем и до увольнения недалеко.

– Доброй ночи, – «математик» улыбался ей широко и безмятежно, как старой знакомой. Вот черт…

– Доброй, – Света растянула губы в ответной улыбке. Наверное, получилось не слишком убедительно, потому что «математик» удивленно вскинул брови.

– Вы сегодня не в духе? Что-то случилось?

Сказать бы этому уроду, что случилось! А может, и в самом деле сказать? Света скосила взгляд в сторону камеры наблюдения. Как раз и момент подходящий: Ангелина Леонидовна отлучилась из зала, а за игровым столом кроме них двоих никого нет. Конечно, это не по правилам, а шпынять ее из-за какого-то проходимца и подозревать в измене – это по правилам?!

– Играем? – Света улыбнулась, на сей раз совершенно искренне.

– Ну, разумеется, – «математик» выложил на стол фишки.

Действовать нужно было прямо сейчас, потом может быть уже поздно.

– По какой системе играете? – вежливо поинтересовалась она…

Сабурин

Девчонка-крупье улыбалась и таращилась на него своими светло-серыми, почти прозрачными глазами. Сабурин впервые в жизни видел у женщины такие глаза – холодные, бесстрастные, точно у наемного убийцы. Или это из-за прозрачности? Может, какая-нибудь генетическая аномалия? Скорее всего, так и есть. Глаза эти рыбьи, кожа бледная, волосы белые-белые, точно седые. Рановато ей еще седые волосы. Сколько ей – лет двадцать? Значит, и в самом деле аномалия. Альбинизм. Точно, похоже, что девчонка – альбинос. А то, что брови и ресницы темные, так это ерунда, их и покрасить можно.

Сабурин видел девчонку уже не первый раз, а все никак не мог привыкнуть к ее необычной внешности. Даже и не скажешь, хорошенькая она или уродина. Если смотрит куда-нибудь в сторону, так вроде и ничего, а если таращится прямо на тебя, вот как сейчас, то даже его нервы, крепкие и закаленные, не выдерживают.

Углубившись в эти умозаключения, Сабурин не сразу сообразил, что говорит ему девчонка-крупье. Раньше она с ним вообще не разговаривала, только улыбалась профессионально-отстраненной улыбкой.

– Прошу прощения? – Он нахмурился, пытаясь вникнуть в смысл сказанного.

– Я спрашиваю о вашей системе, – глаза-ледышки смотрели на него, не мигая. – У вас есть какая-то система, и она весьма действенная.

Сабурин мысленно чертыхнулся. Все-таки попался, вычислила какая-то малолетка, да еще так быстро…

А ведь Арсений предупреждал, что действовать нужно осторожно, что в казино не дураки работают, и если поймут, что он пытается кинуть заведение, будут проблемы. Сабурин тогда Арсению не то чтобы не поверил, просто не отнесся к предупреждению с должным вниманием. Конечно, Арсений – математический бог и знает о числах все, но ведь только в теории. А теория с практикой расходятся очень часто. Именно поэтому разработанную другом систему Сабурин всерьез не воспринимал, предпочитал относиться к ней как к забаве и на «полевые испытания» согласился легко. Ладно, одни разок можно попробовать, исключительно ради того, чтобы убедить упрямца Арсения в несостоятельности придуманной им системы. Можно даже баксов сто потратить на эту бесполезную идею, лишь бы друг успокоился и направил свою неуемную энергию в более перспективное русло.

В общем, об осторожности и конспирации в тот самый первый раз Сабурин не думал, потому как твердо верил, что играть в азартные игры с казино – равно как и с государством – дохлый номер. Не росли бы игорные дома как грибы после дождя, если бы содержание их было убыточным.

– Помнишь, как нужно считать? – спросил на прощание Арсений. Выглядел друг при этом так, точно это он сам, а не Сабурин отправляется на штурм казино.

– Помню.

– А поправку когда нужно использовать, помнишь?

– Да помню я все! Сеня, не переживай.

– И когда начнешь выигрывать, не суетись, держи себя в руках. Три-четыре раза выиграешь – и уходи.

– Договорились, – Сабурин, который в успех авантюры не верил, энергично кивнул, а мысленно добавил: «Уйду сразу, как только закончатся деньги, друг мой Сеня».

Он выбрал казино наугад, практически первое попавшееся. А чего суетиться, когда результат и так ясен? Был соблазн плюнуть на испытание и сыграть как бог на душу положит, но совесть взяла верх, и Сабурин решил играть по системе.

Нельзя сказать, что стол, за которым работала девочка-альбинос, он выбрал специально. Просто ее белая как лунь головка невольно привлекала внимание. Сабурин сделал ставку и проиграл. Ничего удивительного. Во-первых, теорию вероятностей еще никто не отменял, а во-вторых, Арсений предупреждал, что именно так все и будет: четыре проигрыша по мелочи, а потом крупная ставка и выигрыш, еще три-четыре проигрыша по мелочи и снова крупный выигрыш. А вот дальше, если вдруг зафартит, уже нужно применять поправку, но до этого дело не дойдет.

То ли фортуна в тот раз была на его стороне, то ли расчеты Арсения оказались верны, но все прошло как по нотам. Именно так, как и предсказывал друг. После того как перед ошалевшим от небывалого везения Сабуриным оказалась гора фишек, появился соблазн продолжить игру. Он уже почти поддался этому соблазну, но в самый последний момент передумал. Арсений расстроится, если чистота эксперимента будет нарушена. Он и так выиграл вполне приличную сумму: пришел с сотней баксов, а уходит почти с двумя тысячами. Чтобы умилостивить госпожу Удачу, Сабурин сунул девчонке-крупье двести долларов – кто знает, может, она тоже часть его фарта? – а по пути домой зашел в круглосуточный магазин, купил армянского коньяку и всевозможной закуси. Надо же как-то отметить начинание.

Несмотря на предрассветный час, Арсений не спал. В ответ на звонок дверь открылась почти незамедлительно.

– Ну как? – От нетерпения друг едва не подпрыгивал в своем инвалидном кресле. – Получилось?!

– Все, как ты и предсказывал! – Сабурин поставил пакеты с провиантом на пол, сбросил ботинки.

– А там что? – Арсений кивнул на пакеты.

– Там еда и выпивка. Или ты по ночам не ешь?

– Я вообще только по ночам и ем, – друг подхватил пакеты, покатился на кухню.

Что верно, то верно, Арсений вообще предпочитал ночной образ жизни. Днем мог не вылезать из постели, зато к вечеру активизировался и ночи напролет просиживал за компьютером. Вот и сейчас из комнаты доносилось тихое жужжание системника.

Они были знакомы давно, с самого детства. До пятого класса учились в одной школе, а потом с Арсением случилось несчастье: упал с велосипеда, ударился спиной о бордюр. В результате – перелом позвоночника, травма спинного мозга и паралич. Они тогда были в таком наивном возрасте, когда твердо веришь, что смерти нет, и самая опасная болезнь – это ангина, а тут такое страшное – паралич. И не на пару дней или недель, а на всю жизнь, навсегда. Арсений, кажется, понял это самым последним, долго не верил, пытался выбраться из ненавистного инвалидного кресла, падал, расшибал в кровь лицо, набивал синяки и шишки и снова пытался встать на ноги. Он сражался с неизбежным почти год, в одиночку, потому что остальные – родители, врачи и друзья – уже смирились, а потом вдруг успокоился. Или смирился. Сабурин никогда его об этом не спрашивал, не хотел бередить старую рану. В тот год, что Арсений боролся с неизбежным, друзья его забыли. И не потому, что такие плохие, а потому, что они были детьми, а дети – существа в равной мере искренние и жестокие. Изображать сострадание и тяготиться чужой бедой они не умеют. Зачем? Ведь намного проще и естественнее забыть. Да и видеть доказательства того, что жизнь далеко не так совершенна, не хочется.

Виталик Сабурин мало чем отличался от своих товарищей и наверняка последовал бы их примеру, если бы не одно «но» – с Арсением ему было интересно. Да, с ним больше не погоняешь на велике и не поиграешь в футбол. Зато он мог из бесполезных железок собрать самого настоящего робота на дистанционном управлении, мог починить плеер и построить удивительно красивый макет парусника. Но даже не это главное. Арсений не только создавал все эти чудесные вещи, но еще и учил Виталика самого делать их. И историй всяких разных он знал бесконечное множество, и рассказывать их умел так интересно, что аж дух захватывало.

Особенно страшилки на ночь глядя. Виталик не знал, откуда берутся эти невероятные истории, наверное, большей частью из книг, которыми был заставлен огромный книжный шкаф в комнате Арсения. Самые же интересные и самые жуткие рассказы друг, скорее всего, придумывал сам. В этом Виталик почти не сомневался.

Они вместе взрослели, вместе вступили сначала в бестолковый подростковый период, а потом и во взрослую жизнь. Их симбиоз получился полноценным и взаимовыгодным, потому что через Виталика Арсений контактировал с внешним миром, получал необходимую информацию и впечатления. Сабурин, оказывается, был не хуже Всемирной паутины. Этим можно было гордиться, потому что Интернет со временем заменил другу реальность, отодвинул все другие радости жизни на второй план. Все, кроме дружбы с Сабуриным.

– О, и Силантия не забыл! – послышался из кухни радостный голос Арсения. – Эй, Силантий, Бурый тебе пожрать принес!

Он еще не успел договорить, как из комнаты вышел Силантий – здоровенный одноглазый котяра с порванным в бесчисленных дворовых боях ухом. Не удостоив гостя даже взглядом, Силантий проследовал на кухню. Вот ведь полосатый паразит! Знает же, что все самое вкусное ему приносит именно Сабурин, а все равно игнорирует его, не желает принимать в ближний круг. В ближнем кругу у Силантия числятся единицы: любимый хозяин, соседская кошка Люсинда, судя по регулярному и разномастному потомству та еще ветреница, и дворничиха тетя Дуся. Причем понять причину привязанности Силантия к этой крикливой, вечно пьяной даме Сабурин не мог, как ни старался. Сам неоднократно видел, как тетя Дуся охаживала Силантия веником и называла одноглазым иродом, а кот все равно души в ней не чаял, терся о ноги, преданно заглядывал в глаза. Наверное, в этом труднообъяснимом случае срабатывал принцип, озвученный еще Александром Сергеевичем: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Только применим он был не к женщинам, а к тонко организованной кошачьей душе.

В ту ночь они с Арсением на радостях напились. Причем друг по большей части прославлял теорию, а Сабурин – практику. Как ни крути, а две тысячи баксов на дороге не валяются. У Арсения вон кресло скрипит, того и гляди сломается, да и сабуринской «бээмвушке» не повредит кое-какой ремонт.

На следующий день Сабурин не пошел в казино: отчасти из-за жесточайшего похмелья, а отчасти из соображений осторожности. Арсений считал, что очередной набег можно повторить не раньше, чем через неделю, а Сабурин был убежден, что бояться нечего. Они же не играют по-крупному, а кто станет обращать внимание на мелочовку? В общем, через день он снова оказался в казино, а прошлой ночью за столом девочки-альбиноса выиграл аж целых шесть штук. Принимая во внимание то, что ставки на сей раз были посерьезнее, и учитывая заложенные в расчет обязательные проигрыши, выглядело это вовсе не подозрительно. Зря Арсений волновался, никто ничего не замечает…

…Оказывается, замечают. Вот, к примеру, девчонка-крупье заметила. И мало того что заметила, так еще и в лоб про систему спросила.

– Вы шутите? – Сабурин улыбнулся как можно безмятежнее.

– Не шучу, – в глазах-льдинках зажегся злой огонек. – Охрана казино в курсе, что вы – «математик».

– Кто я? – спросил он растерянно.

– «Математик» – человек, просчитывающий игру.

– В этом есть что-то противозаконное?

– Нет, но администрации ваши действия неприятны.

– Ваше заявление стоит расценивать как угрозу? – Сабурин нахмурился.

– Давайте вы сделаете ставку, а потом мы поговорим, – девчонка скосила глаза куда-то вверх и влево. Сабурин проследил за ее взглядом. Все понятно – камеры видеонаблюдения.

– Десять на черное, – он выложил на стол фишки.

– Ставка сделана, – девчонка крутанула рулетку, бросила шарик.

Сабурин проиграл.

– Поговорим? – спросил он, наблюдая, как уплывают его денежки.

– Хорошо, – девчонка улыбнулась самыми уголками губ. – Я не угрожаю, я вас просто предупреждаю. Если вы продолжите в том же духе, у вас могут возникнуть определенные неприятности.

– Какие именно?

– Наш начальник службы безопасности очень непредсказуемый человек, – намек на улыбку исчез с бледного лица, взгляд снова стал непроницаемым. – Еще ставка?

– Да, пожалуй.

Сабурин поставил двадцать на красное, просто так, безо всякой системы, и снова проиграл. Девчонка-крупье, как ему показалось, не без удовольствия заграбастала фишки.

– Вам лучше отказаться от своей системы, – сказала она шепотом, – по крайней мере, в нашем казино этот номер больше не пройдет, потому что… – Она не договорила, вся подобралась.

Сабурин затылком почувствовал, что за ними кто-то наблюдает. Оборачиваться и выяснять, чей это взгляд пытается просверлить в его черепе дырку, он не стал.

– Что-то мне сегодня не везет, – сказал он с тоской в голосе. – А давайте-ка попробуем еще раз.

– С удовольствием, – ему показалось, что девчонка вздохнула с облегчением. Интересно, ей-то чего бояться?

– Один момент, – Сабурин обернулся, сделал знак официанту и заодно осмотрел зал. Источник раздражения он вычислил безошибочно. Невысокий лысый мужик в наглухо застегнутом пиджаке стоял всего в паре метров от их стола. На Сабурина мужик не смотрел, что-то говорил поджарой даме средних лет, но и без того было ясно – вот он, главный здешний каратель.

– Зачем вы мне помогаете? – спросил Сабурин, когда начальник службы безопасности направился к выходу из зала.

– Я помогаю не вам, а себе. Из-за вашей подозрительной везучести у меня могут возникнуть неприятности, – девчонка поморщилась.

– Насколько серьезные?

– Еще не знаю.

Он все понял. Девчонка боится, что ее могут заподозрить в сговоре с ним и турнуть с работы, а то и еще чего похуже сделать, от этого типа, начальника службы безопасности, можно всякого ожидать. Сабурину доводилось встречать таких в своей беспокойной и насыщенной событиями жизни. Это не человек, это профессионал-фанатик. И еще неизвестно, чего там больше: профессионализма или фанатизма. Такой, будь его воля, ставил бы к стенке и за куда меньшие прегрешения, чем сговор с клиентом.

– Вы были моим талисманом, – сказал он девчонке доверительным шепотом, – но сегодня мне почему-то не везет.

– Может, есть смысл попытать удачу за другим столом? – вежливо осведомилась она.

– Пожалуй, вы правы. А не подскажете, какой стол у вас здесь наиболее перспективный?

В глазах-льдинках блеснул и тут же погас озорной огонек.

– Шансы на выигрыш не зависят от выбора игрового стола, равно как и от личности крупье.

– А от чего они зависят?

– Раньше я думала, что ни от чего, а сейчас даже не знаю, что и ответить, – это она, видимо, намекает на систему Арсения.

– Ну что ж, было очень приятно с вами пообщаться, – Сабурин галантно поклонился девчонке и, прихватив бокал с коктейлем, направился к соседнему столу.

Краем глаза он успел заметить, что начальник службы безопасности снова нарисовался в зале. Непонятно, следил ли этот тип непосредственно за ним, Сабуриным, или просто наблюдал за порядком. По правде говоря, Сабурин не был склонен преувеличивать значимость своей скромной персоны. Скорее всего, в глазах местных церберов он всего лишь мелкая сошка, но поостеречься все-таки стоит.

Избранница

Клиент попался сообразительный. Когда парень направился к другому столу, Света вздохнула с облегчением, украдкой вытерла об юбку вспотевшие ладони. Может быть, ей повезет и допроса с пристрастием удастся избежать. Главное, чтобы «математик» не взялся за старое или взялся – черт с ним, – но не в этом казино.

Дальше все пошло своим чередом, но надежда на то, что смена выдастся спокойной, не оправдалась. К полуночи народ повалил валом, и на мысли о «математике» просто не осталось ни сил, ни времени. К моменту долгожданного перерыва Света чувствовала себя как выжатый лимон. Вот он и сказывается – недосып. Сейчас самое время приложиться к баночке с энерготоником.

В комнате для отдыха никого не было. Света с мученическим стоном рухнула в глубокое кресло, вытянула гудящие ноги. Был соблазн сбросить туфли, но она не стала: ступни отекли, и засунуть их потом обратно в узкие лодочки будет весьма проблематично. Вместо этого Света пошарила в сумке в поисках мобильного. Скорее всего, Ритка звонила, и не один раз, надо бы перезвонить, узнать, как там у нее дела. Мобильника в сумке не оказалось. Да и откуда ему там взяться, если она забыла его на кухонном столе. Вот ведь незадача! Завтра Ритка изведет ее упреками, да и непривычно как-то без телефона.

Когда Света вернулась в зал, «математика» там уже не было. А может, и был, но затерялся в толпе посетителей. Конечно, Борман не дурак, может сложить два и два и заподозрить, что она предупредила клиента, но ведь доказательств-то никаких!

Энерготоника хватило еще на пару часов, а потом снова накатила усталость. И клиенты сегодня все как один противные. Замордовали уже, честное слово. Скорее бы закончилась смена!

– Корнеева, – ей на плечо легла мягкая ладонь.

– Слушаю вас, Ангелина Леонидовна, – Света попыталась улыбнуться максимально бодро и приветливо.

– Выглядишь усталой, – начальница неодобрительно покачала головой. – Синяки вон под глазами.

– Так ведь две ночи подряд без сна.

– А день тебе на что?

– На учебу.

– Ох, грехи мои тяжкие! – Ангелина Леонидовна возвела глаза к потолку. – Сплошные проблемы с этой молодежью. У одной ребенок каждый месяц болеет, второй выспаться некогда, третья соседей снизу затопила.

– Кто соседей затопил? – спросила Света не столько из любопытства, сколько из вежливости.

– Так ты, Корнеева, и затопила. Только что звонила какая-то истеричная тетка, орала, что у нее с потолка льется вода, а попасть к тебе в квартиру, чтобы перекрыть воду, аварийка не может, потому что ты, шалава такая, ночами по всяким злачным местам шастаешь, – процитировала начальница и поморщилась, не то от воспоминаний об истеричной тетке, не то от Светиной безалаберности.

– Соседка снизу? Аделаида Карловна!.. – У Светы похолодело внутри. Если она и в самом деле затопила эту мымру, ей конец. Ада ее со свету сживет, а перед этим по судам затаскает. Хобби у нее такое – со всеми судиться.

– Не знаю, эта ненормальная не представилась, – Ангелина Леонидовна нервно дернула плечом. – Орала как резаная, грозилась всех под суд отдать.

– Точно Ада, – Света лихорадочно дернула ворот блузки и с мольбой посмотрела на начальницу. – Ангелина Леонидовна, мне бы домой.

– Да я уж поняла, – фыркнула та. – Ладно, беги. От тебя сегодня толку все равно нет, квелая какая-то. Виктора за твой стол поставлю.

– Спасибо, – Света благодарно улыбнулась. Все-таки начальница у нее хорошая: требовательная, но не сволочная, может войти в положение. – Ну, я побежала?

– Беги. Нет, стой! – Ангелина Леонидовна поймала ее за рукав. – Что там с «математиком»? Видела, он за твоим столом начинал играть.

– Начинал, – Света рассеянно кивнула, в мыслях она уже была дома и выслушивала возмущенные вопли Ады.

– Ну и как? Есть там система?

– Вряд ли, – соврала она, – сегодня у него игра вообще не шла, он даже стол сменил. Сказал, что я перестала приносить ему удачу.

– Он тебя за талисман держал? – Начальница усмехнулась.

– Ну, что-то вроде того. Ангелина Леонидовна, можно, я уже полечу? – взмолилась Света.

– Лети, летчица, – начальница поманила пальцем входящего в зал Виктора.

– Витюша, я отработаю! – Света сложила ладони в умоляющем жесте.

– Нужны мне твои отработки, – Виктор флегматично пожал плечами и занял место за столом.

– Не бухти, – прикрикнула на него Ангелина Леонидовна, – сам на прошлой неделе с середины смены ушел. Или уже забыл?

– Так у меня ж причина была уважительная, вы же помните…

Света, не став слушать, какая такая причина побудила коллегу покинуть боевой пост, едва ли не бегом бросилась к выходу из зала.

После духоты казино воздух снаружи казался упоительно свежим, но Свете было не до него. Она повертела головой в поисках такси или хотя бы частника. Ничего! Что же делать? Общественный транспорт уже не ходит. Чтобы вызвать радиотакси, придется возвращаться, а это потерянное время. Ада небось уже строчит заявление в милицию. Нет, лучше бежать прямиком через скверик к таксопарку. Там точно можно будет поймать машину…

Едва ступив на засаженную старыми липами аллею, Света поняла, что совершила ошибку. Если у казино сквер освещался более-менее хорошо, то здесь с каждым шагом окружающая темнота делалась все гуще и осязаемее. Сначала глубокие тени жались по краям аллеи, но постепенно становились наглее и наглее: наползали со всех сторон, гасили желтый свет редких фонарей. В ночной тишине перестук каблуков казался оглушительно громким и каким-то жутким. Света остановилась – эхо ее шагов медленно, точно нехотя, угасло. И в этой зловещей тишине слух успел уловить какой-то другой звук, кажется, тоже шаги, только более тяжелые и размеренные – мужские. Сердце испуганно екнуло, спина моментально покрылась испариной. Света до рези в глазах всматривалась в темноту позади себя – никого. Может, показалось? Или не показалось, но это всего лишь шаги случайного прохожего, какого-нибудь загулявшего пьянчужки или, к примеру, клиента казино. Такси ведь на стоянке нет, вот человек и решил, как она, идти напрямик через сквер…

А что, если это маньяк? Какой-нибудь сумасшедший с огромным тесаком? Что их мало, этих ненормальных? Вон по телику каждый день показывают…

И шаги стихли… Притаился? Или просто сошел с дорожки и крадется сейчас по кустам? Вдруг он уже совсем близко? Ой, мамочки…

Бежать на высоких каблуках неудобно, а снимать туфли не было времени. Ничего, тут немного осталось, метров через сто пятьдесят таксопарк. Можно сказать, нет больше никакой опасности…

Опасность оказалась коварной. Она поджидала Свету впереди, тянула к ней длинные руки, скалилась в жуткой улыбке и пахла чем-то тошнотворным. Она не была похожа на загулявшего пьянчужку или на запоздалого прохожего или даже на маньяка. Она была похожа на… нежить. А еще она оказалась не одна, за спиной первой, самой жуткой, маячили еще две – черные, безмолвные.

Света всхлипнула, отступила на шаг. Осознание того, что от этих троих не уйти, парализовывало, делало ноги ватными. Когда на ее шее сомкнулись холодные пальцы, Света закричала. Крик был последним, что она могла противопоставить обрушившемуся на нее кошмару.

– Не надо бояться, Клер, – голос тягучий, успокаивающий и почти не страшный в отличие от лица.

Теперь она видела это лицо близко-близко. Белая кожа, черные провалы глазниц, растянутые в ласковой улыбке губы, острые клыки. А еще запах, приторно-сладкий, смутно знакомый.

– Все будет хорошо, Клер, – глаза отсвечивают красным, но при этом они совсем не страшные.

И лицо не страшное. Странно, что она испугалась… Вот только запах… запах плохой: бередит душу, выворачивает наизнанку…

– Ты должна пойти с нами, Клер, – пальцы на шее сжимаются чуть сильнее.

Тяжело дышать, но это неважно. Главное – смотреть, не отрываясь, в эти необычные глаза. Если она будет смотреть, то сумеет понять что-то очень важное, то, что постоянно ускользает…

– Вот, хорошая девочка, – в глазах незнакомца отражается луна. Луна красная, как запах. Пахнет красным и чуть-чуть черным. А шее уже не больно, только немного колко и щекотно.

– Я не Клер, – язык не слушается, чужое имя дается с трудом, вязнет на зубах, пахнет желтым.

– Ты получила послание? Где Слеза ангела? – Бледное лицо еще ближе. На губах что-то черное. Или красное, в темноте не разобрать. Ангелы – это такие белые, с крыльями, пахнут золотым… Разве ангелы плачут? Смешно… Смех царапает горло, вырывается изо рта сизым туманом. Смеяться больно. А смотреть на красные луны в глазах незнакомца интересно…

– …Рем, князь велел ее не трогать, – это уже другой голос, обычный, человеческий. Голос торопится и, кажется, боится.

– Ну, пойдем, девочка, – глаза с красными лунами становятся огромными, запах крови щекочет ноздри. Да, это кровь. Кровь пахнет красным и немного черным, если она запекшаяся…

Голова кружится, вместе с ней кружится лицо незнакомца. Как же она сможет пойти с ними, если земля уплывает из-под ног? Земля уплывает, она падает, а ангел плачет…

Рене де Берни. Прованс. Август 1096 г.

Я счастливейший из смертных! Отец нашел выход. Вчера они с аббатом Аланусом долго беседовали со мной и Гуго. Искупление – вот решение всех наших проблем, способ избавиться от родового проклятья. Искупление начнется пятнадцатого августа в день вознесения Богородицы. Так символично, так правильно. Крестовый поход в Святую землю, освобождение Гроба Господня от нечестивцев, очищение души от грехов предков, спасение рода де Берни.

Папа римский уже призвал свою паству восстать на борьбу со злом, и зов его был услышан тысячами сердец. До замка еще с весны стали доходить слухи, что огромное воинство Христово под предводительством бесстрашного рыцаря Вальтера и амьенского монаха Петра Пустынника уже вышло в поход на Иерусалим. Счастливчики! Как же я им завидовал. Представлял, как кто-то другой, а не я, обагрит верный меч кровью проклятых иноверцев, чтобы преклонить колени у Гроба Господня. Я завидовал им даже тогда, когда всю Фран-

цию всколыхнула чудовищная весть: в долине Дракона христианское воинство было разбито. Сельджуки, это отродье сатаны, не пощадили никого: ни стариков, ни женщин, ни детей. В той страшной битве пал благородный рыцарь Вальтер, а до стен Византии добрались лишь десятки из тысяч.

Каюсь, тогда я поддался отчаянию и едва не утратил надежду. А вчера… вчера надежда возродилась, а вера моя окрепла неимоверно. Крестовый поход – музыка для души истинно верующего!

Я слушал неспешный рассказ аббата Алануса, и сердце мое трепетало от радости и нетерпения. Сердце чувствовало: разговор этот зашел неспроста. А еще оно боялось, что выбор падет не на меня, а на Гуго. Гуго – старший сын, после смерти отца он унаследует все: и замок, и земли, и… родовое проклятье, следы которого уже видны на его бледной коже и в потухшем взгляде. Нет, отец должен понимать: Гуго нужен здесь, во Франции, а крестоносцем – Господи, какое дивное слово! – должен стать я. Мне всего семнадцать, я молод, я силен, и я пока еще здоров. Я смогу! Не хочу сидеть здесь, в стылом замке, гнить заживо и медленно превращаться в чудовище.

Господь услышал мои мольбы, я увидел ответы на свои вопросы в пристальном взгляде отца и обнадеживающей улыбке аббата.

– Я буду… крестоносцем? – Слова срываются с губ сами, помимо моей воли.

– Крестоносцем, – эхом повторяет Гуго и смотрит на свои скрещенные на груди руки.

– Я списался с епископом Ле Пюи, – аббат Аланус кивает. – Граф Раймунд Тулузский выступает через два дня. У нас мало времени, мой мальчик.

– Да, мало времени, – отец устало трет глаза. Видеть его руки, больше похожие на птичьи лапы, больно и страшно. – Времени никогда не хватает.

– Времени и золота, – снова подает голос Гуго.

Да, брат, как всегда, прав. Год выдался неурожайным, запасов зерна едва хватило, чтобы дотянуть до весны, виноградники вымерзли, крестьяне голодали и роптали. Если б не их суеверный страх перед отцом, не миновать бы беды.

– Я достану деньги, – отец гладит тяжелую золотую цепь на своей груди.

– А оружие? А лошадь и доспехи? – не унимается Гуго. Вечно он так – все портит, все подвергает сомнению.

– Рене, мальчик мой, встань, – голос отца непривычно мягок.

Я послушно поднимаюсь из кресла. Ноги дрожат, руки тоже.

– Я уже стар, – нетерпеливым жестом отец останавливает возражения аббата. – Домашний халат – вот отныне мои доспехи. Заберешь мой меч.

Меч! Настоящий меч, прошедший с отцом не одну битву, напившийся крови сотен врагов, семейная реликвия, которая должна была достаться Гуго, старшему сыну, а досталась мне, младшему. Сейчас Гуго станет возражать и…

– Отец, но как же?! – Старший брат тоже вскакивает с места, смотрит сначала на отца, потом на меня. Я получаю взгляд, полный ненависти.

– Молчать! – У отца страшные глаза, в отблесках горящих в зале факелов они отсвечивают красным. – Я сказал – мои доспехи, мой меч и твой конь!

Конь, черногривый Ураган, единственная любовь и гордость Гуго?.. От коня я лучше откажусь, так будет честнее и… безопаснее.

– И ты молчи! – Отец читает мои мысли еще до того, как я успеваю их озвучить. – Что за рыцарь без боевого коня?! Или ты собираешься идти к Гробу Господню пешком, нацепив рубище пилигрима?

Нет, я не хочу пилигримом, я хочу рыцарем. И чтобы обязательно на плаще был крест – символ веры.

– Все, разговор окончен, – отец сжимает в скрюченных пальцах кубок с густым, как кровь, вином, смотрит на нас с братом поверх кубка и говорит уже спокойнее: – Время позднее, дети мои, идите спать.

В ту ночь я так и не смог уснуть, все представлял себя верхом на черном как ночь Урагане с отцовским мечом в руке. Клер не поверит своим глазам, когда увидит меня.

Клер, моя любовь, сердце мое. Что с ней станется, когда до нее дойдет весть, что я отправляюсь в Святую землю? Она же плачет даже из-за коротких двухдневных разлук, а тут Крестовый поход. Ничего, она поймет. Я уничтожу всех врагов Господа нашего, а потом вернусь домой, богатый, осененный славой великого воителя.

Клер плакала. Видеть, как по румяным щечкам бегут ручейки слез, невыносимо. Мы стояли у старой часовни: Клер плакала, а я не знал, как ее утешить. Она поцеловала меня первой. Едва ощутимое касание губ, горечь слез на щеках – теперь и умирать не страшно.

Клер сказала, что нашьет крест на мой плащ, и обещала никому не отдавать свое сердце до моего возвращения. К замку я шагал окрыленный и опьяненный счастьем, наверное, поэтому слишком поздно заметил идущую мне навстречу тень.

– Радуешься, вор? – Гуго пьян, рыжая борода слиплась от пролитого вина.

Вор? Нет, я не вор, я всего лишь послушный сын.

– Брат, я выполняю волю отца.

– Крестоносец, – Гуго многозначительно смотрит на свой сжатый кулак, и мое сердце трусливо замирает. Гуго старше и сильнее, если будет драка, мне несдобровать. Прошлый раз дело закончилось сломанным ребром. Я неделю харкал кровью, по ночам скрипел зубами от боли и считал, что еще легко отделался.

– Крестоносец – вор, – Гуго прячет кулак за спину. – Ты всегда зарился на мое, маленький ублюдок.

Надо бы обидеться – и на вора, и на ублюдка, но я не обижаюсь. Страх перед братом сильнее гордости. Молчать, не злить его – вот основное правило. Очень скоро меня здесь не будет.

– Ты сдохнешь в своем Крестовом походе! – Гуго сплевывает мне под ноги. – А если тебе, щенок, вдруг удастся выжить, – его длинное, испещренное оспинами лицо теперь близко-близко, а глаза, чуть прищуренные, полыхают дьявольским огнем, – послушайся братского совета, не возвращайся! – Удар под дых сбивает меня с ног, заставляет распластаться на раскалившейся за день земле. – Ты украл моего коня, – доносится сверху шипящий голос, – а я отниму твою любовь.

О ком он? О Клер?.. Нет, Гуго не посмеет, Клер – воспитанница отца.

– Я посмею, – шипение змеей вползает в уши. – И, знаешь что, я разрешаю тебе вернуться, чтобы убедиться в этом…

Сабурин

Пожалуй, будет весьма подозрительно, если он уйдет из казино сразу после разговора с девчонкой. Гораздо разумнее еще пару часиков поиграть. Просто так, бессистемно. А потом надо искать новое казино и впредь быть осторожнее. Если его так легко вычислила какая-то малолетка, значит, хреновый из него конспиратор. Придется над этим подумать.

Без системы игра не шла. Сабурин просадил полторы тысячи, а выиграл какие-то жалкие триста баксов. Все, пора сворачивать лавочку! Он бросил прощальный взгляд на девочку-крупье. Та о чем-то беседовала с менеджером и выглядела при этом растерянной и несчастной. Может, ее отчитывают из-за него? Значит, его жертва в виде проигранных полутора тысяч оказалась напрасной? Ладно, бог с ней. Он сделал все, что в его силах, и в ее разборки с администрацией вмешиваться не собирается. Пора уходить.

Сабурин как раз обменивал фишки на деньги, когда краем глаза заметил девчонку-крупье, спешащую к выходу из казино. Что же все-таки случилось? Неужели отстранили от работы? Присмотреть за ней, что ли?

Пару секунд девчонка постояла на крыльце, повертела белобрысой головой, а потом двинулась в сторону сквера. Опрометчивый поступок: в городе и днем-то всякой швали полно, а тут глубокая ночь. Девчонка либо конченая дура, либо безмерно отважна и отчаянна, либо очень торопится. Сабурин поставил бы на третий вариант. Скорее всего, она просто решила выйти через сквер к таксопарку, чтобы поймать там такси. Он глянул на свою «бээмвуху», притулившуюся черным боком к бордюру. Подвезти, что ли, эту Белоснежку? Оказать, так сказать, ответную услугу? Или не вмешиваться?

Пока Сабурин раздумывал, девчонка перебежала дорогу и углубилась в сквер. Вот ведь бедовая! Он открыл дверцу машины, нашарил под водительским сидением «макаров», сунул его в карман пиджака. Скорее всего, пистолет – излишняя предосторожность, но береженого и бог бережет.

На аллее было темно, хоть глаз выколи. Даже полная луна светила как-то тускло, вполсилы. Приходилось полагаться больше на слух, чем на зрение. Дробный перестук каблуков Белоснежки служил прекрасным ориентиром. Судя по всему, она не просто шла, а бежала. Или боится, или просто очень спешит. Сабурин чертыхнулся, ускорил шаг. Он уже собрался было окликнуть девчонку, когда цоканье каблучков вдруг оборвалось, и почти в ту же секунду послышался сдавленный женский крик. Твою ж мать…

Сабурин достал из кармана пистолет, сошел с асфальтированной дорожки на мягкую землю, осторожно, стараясь не шуметь, двинулся на звук. В тусклом свете горящих далеко впереди фонарей замаячили четыре силуэта. Сабурин пригляделся. Трое были одеты во все черное и почти сливались с темнотой, а четвертой оказалась девчонка, Сабурин узнал ее по белоснежным волосам.

Там, на дорожке, происходило что-то странное. Фигуры стояли неподвижно: двое в черном чуть поодаль, третий, кажется, в обнимку с девчонкой. Этот третий что-то тихо говорил. Что именно, Сабурин не слышал, надо бы подобраться поближе.

От странной компании его отделяло метров пять, когда девчонка вдруг запрокинула голову к небу и засмеялась. Смех этот был таким жутким, что у бывалого и ко многому привычного Сабурина волосы встали дыбом. Если бы он не разговаривал с ней всего каких-то пару часов назад, точно бы решил, что она сумасшедшая, потому что нормальный человек не может так смеяться.

Смех оборвался так же внезапно, как и начался, а девчонка стала медленно оседать на асфальт. Все, нужно как-то обозначиться, пока не поздно.

– Эй, ребята! А ну-ка оставьте девушку в покое! – Сабурин осторожно выглянул из-за липы. Он, конечно, смелый, но не до безрассудства. Сейчас время такое – отморозков развелось, не ровен час, и пальнуть могут.

…И пальнули. Пуля просвистела совсем близко, впилась в ствол дерева, Сабурин едва успел укрыться. Значит, вот оно как! Значит, по-хорошему эти ублюдки не понимают! Ну что ж, придется по-плохому. Согнувшись в три погибели, он перебрался за соседнюю липу, досчитал до трех, выглянул.

В стане врага произошли изменения. Двое пытались поднять девчонку с земли, третий медленно поворачивался вокруг своей оси, в руках у него что-то подозрительно поблескивало. Сабурин даже знал, что это такое. Получается как минимум один из троицы вооружен – это раз. Девчонку они оставлять в покое не собираются – это два. Похоже, она нужна нападающим настолько сильно, что они рискнули открыть пальбу едва ли не в центре города – это три. И первое, и второе, и третье одинаково плохо. Было бы разумнее оставить все как есть и не взваливать на себя чужие проблемы, но девчонка ему помогла. И неважно, что в первую очередь она заботилась о собственной шкуре. В конце концов, он мужик. Говорить о долге глупо и как-то пафосно. Ладно, скажем, у него перед ней не долг, а должок…

Для начала надо разобраться с тем, у которого ствол. Выстрел прозвучал оглушительно громко. Мужик с пистолетом взвыл, прижал раненую руку к груди. Что, собаки, не ожидали?! Забыли, что на каждую силу есть противосила? Так память легко освежить.

Не дожидаясь, когда по его укрытию начнут палить, Сабурин перекатился за кусты, ближе к аллее, приготовился сделать пару предупредительных выстрелов в воздух, но превентивные меры не понадобились – странная троица исчезла, точно сквозь землю провалилась. На дорожке, уткнувшись лицом в асфальт, осталась лежать девчонка.

По уму, надо было бы осмотреться, подождать, чтобы не стать легкой мишенью, если вдруг кто-нибудь из этих троих решил залечь в засаде, но Сабурин, наплевав на безопасность, рванул вперед. Безрассудно и глупо, но что поделаешь, если вот она, девочка, только руку протяни. Лежит себе и выглядит… неживой.

Так, первым делом проверить пульс. Он перевернул девчонку на спину, сжал шею в области сонных артерий. Пальцы тут же стали мокрыми и липкими. Черт, кажется, ее все-таки порезали. Но пульс вроде ровный.

Некогда разбираться, тут через пару минут народа будет – не протолкнуться, ментов понаедет. Доказывай потом, что стрелял в целях самообороны. Да и не хочется связываться с правоохранительными органами. Сабурин перекинул девчонку через плечо и бегом бросился обратно к казино. Когда до освещенного участка оставалось совсем ничего, усадил ее на землю, притулил спиной к дереву, еще раз осмотрел, теперь уже внимательнее. На шее действительно есть рана, но несерьезная, похожая на глубокую царапину, а больше никаких видимых повреждений. Скорее всего, девчонка просто в обмороке.

– Ну, Белоснежка, ты тут пока посиди, а я сейчас. Сгоняю за машиной и вернусь, – Сабурин вытер испачканную кровью ладонь о траву и неспешным шагом направился к казино.

Его «бээмвуха» стояла на месте. А где ж ей еще быть, родимой? Сабурин уселся за руль, включил зажигание. Он уже тронулся с места, когда вдали послышался рев сирен. Сейчас – за Белоснежкой, а потом – домой, разбираться, что к чему.

Девчонки на месте не было. Куда она, мать ее, подевалась?! Сабурин огляделся и вполголоса выругался. Метрах в десяти между липовых стволов маячило что-то белое.

– Далеко собралась? – Он догнал девчонку, дернул за рукав.

Та послушно остановилась, посмотрела сквозь него и сообщила доверительным шепотом:

– Ангелы умеют плакать.

Все ясно – шок, послестрессовый психоз. Или как оно там у специалистов называется? В общем, девчонка не в себе.

– Пойдем-ка со мной, – он потянул ее за рукав.

– Ангелы плачут, а луна красная, – девчонка сделала шаг.

Точно психоз. Хорошо хоть, что не буйная.

– Красная, красная, – Сабурин, подхватив ее под мышки, потащил к машине.

– И князь велел, чтобы они меня не обижали, – девчонка всхлипнула. – А тот человек сделал мне больно, – кончиками пальцев она пробежалась по шее.

– Разберемся, Белоснежка! – Сабурин запихнул ее на заднее сиденье «БМВ», сам уселся за руль. – Только сначала покатаемся…

– Вот, полюбуйся! – Сабурин кивнул на сидящую на самом краешке стула девчонку. – Что с ней такое, как думаешь?

– На хрена ты ее ко мне привез? – Арсений брезгливо поморщился.

– Я ее, вообще-то, сначала к себе привез. Думал, очухается, а она видишь какая!

Да, с девчонкой, определенно, было что-то не то. И шок тут совсем ни при чем. Может, те уроды вкололи ей какой-нибудь наркотик?

– Ну-ка! – Сабурин стащил с нее курточку, внимательно осмотрел кожу на руках. Если не считать царапины на шее, все остальное в порядке. Тогда почему она как автомат?

– Где ты ее откопал? – Арсений подкатился поближе, пощупал девчонке пульс.

– Долгая история.

– Пошли на кухню, расскажешь что к чему, а эта пусть пока тут посидит. Она хоть не буйная? – Он подозрительно сощурился.

– Была не буйной.

– Ну, смотри, если она мне тут что-нибудь учинит, с тебя спрошу.

Разговор оказался недолгим. Сабурин рассказал другу про то, как его вычислили в казино, а девчонка-крупье предупредила об этом, про то, что на нее напали какие-то странные типы, а когда он попытался вмешаться, открыли стрельбу.

– Сначала я думал, что они ее ранили, у нее на шее кровь была, – Сабурин щелкнул зажигалкой и, прикурив, глубоко затянулся сигаретой. Вообще-то, он бросил курить два года назад, но сегодня вдруг захотелось до дрожи в пальцах.

– Это из-за царапины, – Арсений задумчиво кивнул.

– Да, из-за царапины. А потом она очухалась и стала такой. Всю дорогу до дома твердила о каких-то плачущих ангелах, красной луне и князе, который велел ее не обижать.

– А раньше она такой не была? Ну, до встречи с теми ребятами? – поинтересовался Арсений.

– Раньше она производила впечатление адекватной, – заверил его Сабурин. – Что нам с ней делать, а?

– Нам? – Арсений многозначительно хмыкнул. – А при чем здесь я? Это ж ты ее от хулиганов спас.

– А ты мой друг. Сеня, ты же умный, помоги. Ну, что тебе стоит?

– Бурый, ты прекрасно знаешь, что мне все это очень не нравится, – сказал Арсений зловеще.

Да, Сабурин знал, что друг женщин на дух не переносит и к себе в квартиру пускает только мать, да и то лишь после долгих переговоров. И не потому, что он педик – господи упаси! Просто опыта общения с прекрасным полом у Арсения нет никакого. Болезнь породила массу комплексов, самым серьезным из которых стала нелюбовь к женщинам. Арсений не желал знакомиться ни с одной из многочисленных сабуринских подружек. Хуже того, он даже слышать о них не хотел. А тут такое безобразие – живая женщина в его логове. И неважно, что не совсем адекватная, сути это не меняет.

– Значит, не поможешь, – Сабурин встал из-за стола. – Ну ладно, извини, попробую сам.

– Подожди, – сказал Арсений со смесью решимости и обреченности. – Давай глянем, что можно сделать.

Девчонка сидела на том же стуле, на который сгрузил ее Сабурин, на ее коленях развалился Силантий. Вот уж где диво дивное! Похоже, котяра решил расширить свой ближний круг.

– Слышишь? – шепотом спросил Арсений.

– Что? – насторожился Сабурин.

– Он мурлычет.

– Силантий?

– Ну не я же?! Он вообще никогда не мурлычет. Я думал, у него какая-то врожденная аномалия, а он, оказывается, нормальный.

– Поздравляю вас с Силантием. А что с девчонкой?

– Сейчас посмотрим, – Арсений подкатился вплотную к стулу, спихнул кота на пол. Тот обиженно мяукнул и спрятался за системник. – Эй! – Арсений помахал рукой перед лицом девчонки – никакой реакции.

– Наркотики? – шепотом спросил Сабурин.

– Непохоже, зрачки нормальные.

– А что тогда?

– Транс.

– Какой транс?

– А хоть какой: религиозный, гипнотический.

– Гипнотический?

– Запросто. Сам же мне рассказывал, что она несла всякую ахинею про ангелов, князей и красную луну.

– И кто ее так… загрузил? – Сабурин присел перед девчонкой на корточки, заглянул в ее глаза: да, похоже на транс…

– Ну, если не ты, то, скорее всего, те, кто пытался ее похитить.

– А зачем?

– Чтобы весело было, – огрызнулся Арсений. – Слушай, а что это она вся какая-то блеклая? Кожа депигментированная, радужка прозрачная, волосы белые. Альбиноска, что ли?

– Похоже на то, – Сабурин пожал плечами.

– Любопытно, никогда не видел женщин-альбиносов.

Сабурин хотел было сказать, что друг и обыкновенных-то женщин нечасто видел, но вовремя прикусил язык.

– И как нам ее из этого транса выводить? – сказал он вместо этого.

– Понятия не имею. Я же не гипнотизер, – равнодушно пожал плечами Арсений.

– А если подумать?

– Пользуешься ты моей безграничной добротой, Бурый! – Арсений подкатился к компьютеру. – Сейчас спросим, что думает об этом Всемирная паутина.

Всемирная паутина думала много чего и вариантов выхода из ситуации предлагала целый вагон.

– Значит, так, – Арсений хлопнул ладонями по столу, – начнем с простейшего. Будем показывать нашей спящей красавице всякие картинки. Ну-ка, придвинь ее поближе к компу.

Сабурин поднял стул вместе с сидящей на нем девчонкой, поставил его перед монитором, на котором мелькали и истерично подмигивали неизвестно кому какие-то абстрактные картинки.

– Смотри! – Арсений тряхнул девчонку за плечо.

– Это что за метод? – От хаоса, творящегося на экране, в глазах зарябило, да и голова начала покруживаться.

– Этот метод называется «клин клином вышибают», – пояснил Арсений, внимательно наблюдая за девчонкой. – Типа, то, что может в транс ввести, то может из него и вывести.

– Я сейчас сам в транс впаду, – пожаловался Сабурин.

– Иди на тахте посиди, не мешай эксперименту, – буркнул друг.

Эксперимент длился минут пятнадцать, но результатов не принес. Девчонка тупо пялилась в экран и даже не моргала.

– С визуальной информацией вышел облом, – вынужден был констатировать Арсений. – Попробуем вербальную.

– Какую? – Сабурин зевнул.

– Вербальную, – друг, порывшись в забитой компакт-дисками коробке из-под обуви, выудил какой-то диск.

Через мгновение из колонок полилось невнятное бубнение – вербальная информация, надо полагать. От бубнения, определенно, был кое-какой эффект – Сабурина начало клонить в сон. Кажется, он даже успел подремать. Идиллию нарушил грубый тычок в бок и разочарованный голос Арсения:

– Ничего не выходит. Сидит истукан истуканом. Я ей уже и диск прокрутил, и картинки вместе с музыкой показывал, и маятником перед носом махал – дохлый номер!

Сабурин открыл глаза, посмотрел на застывшую перед компьютером девчонку и спросил:

– Она что-нибудь говорила?

– Говорила. Про какой-то ад. Жаловалась, что этот ад подаст на нее в суд.

– Про ад – это что-то новенькое, – Сабурин с кряхтением сполз с тахты, склонился над девчонкой, гаркнул: – Ау! Есть кто дома?!

– А в ответ – тишина, – прокомментировал ситуацию Арсений.

– И что делать будем? – Положение казалось патовым.

– Есть еще один способ, – Арсений взъерошил и без того растрепанные волосы. – Необходим физический контакт.

– Какого рода контакт? – насторожился Сабурин.

– Я же говорю – физического.

– А простым языком для не шибко грамотных?

– Попробуй ей врезать.

– Что?!

– Ну, ударь ее. Иногда это помогает, – сказал Арсений не слишком уверенно.

– Это помогает от истерик, а у нее транс.

– Не хочешь бить, вези в психушку. Пусть с ней специалисты разбираются.

Эта идея не нравилась Сабурину еще больше, чем предыдущая.

– Куда бить-то? – осторожно поинтересовался он, глядя на девчонку сверху вниз.

– Лучше, наверное, по голове. Только не очень сильно, а то мало ли, – Арсений в притворном ужасе вытаращил глаза.

– Хуже, чем есть, уже не будет, – пробормотал Сабурин, посматривая на свой кулак.

– Только не кулаком. Плашмя бей, – инструктировал друг.

– Ясное дело – не кулаком. А думаешь, поможет?

– Не навредит. Бей, чего смотришь?

– Да как-то не приучен я женщин бить, – Сабурин с сомнением покачал головой.

– А ты представь, что перед тобой не женщина, а боксерская груша, – хмыкнул Арсений. – Хотя стоп! Еще чего доброго увлечешься. Лучше представь, что она должна тебе десять штук баксов и не отдает.

– Лучше я ее просто так ударю, безо всяких прелюдий.

– Ну, дело хозяйское.

Сабурин постоял немного в раздумьях перед безучастной ко всему девчонкой, сделал глубокий вдох и шлепнул ее по щеке.

– Ерунда, – разочарованно сообщил Арсений. – Слабо ударил.

Сабурин и сам знал, что слабо, просто надеялся, что удастся обойтись малой кровью. Не вышло.

– Ну, извини, Белоснежка, – он погладил девчонку по мягким, как пух, волосам, – это для твоего же блага…

…А на сей раз, кажется, произошел перебор. От увесистой оплеухи голова девчонки откинулась назад, и Сабурин испугался, что сломал ей шею. Мгновение ничего не происходило, а потом по бледным щекам его жертвы потекли слезы, а взгляд утратил недавнюю отрешенность. Получилось?..

Порадоваться они с Арсением не успели – девчонка завизжала, бросилась на Сабурина разъяренной фурией. Арсений успел предусмотрительно откатиться на безопасное расстояние и сейчас следил за происходящим из-за шкафа.

– Как думаешь, это уже не транс? – Сабурин не без усилий сгреб вырывающуюся и вопящую девчонку в охапку, повалил на тахту, сам уселся сверху для пущей фиксации.

– Скорее всего, это уже истерика, – послышалось из-за шкафа.

– И что дальше? Как разбираться с истерикой?! – Девчонке удалось извернуться и больно куснуть его за руку. Сабурин взвыл.

– Надо посмотреть в Интернете.

– Очень ценный совет! Принеси воды!

– Много?

– Пол-литра.

Арсений опасливо выдвинулся из-за шкафа, попросил:

– Ты только держи ее покрепче. Ладно?

– Быстрее!

Девчонка орала как резаная, но зажимать ей рот не было ни малейшего желания, ему и так хватило прокушенной почти насквозь ладони.

– Не ори, зараза, соседей разбудишь!

– Вот вода, – Арсений сунул ему пол-литровую банку.

Избранница

Господи! Господи!! Господи!!!

Как же это она так попалась?! Где это она?..

Последнее, что Света помнила, были шаги за спиной и наступившая после этого темнота – вязкая, липкая, как кровь…

Ее похитили! Чем-то вырубили и привезли в эту ужасную дыру… Для чего?

Ее били… Точно били – грубо, по лицу. Челюсть болит, и щеку жжет огнем. Хорошо, если только били… Где ее куртка? Почему она раздета?..

Вопросов было много, они кружились в голове роем бестолковых мух. Из-за их мельтешения невозможно было сосредоточиться на главном…

А что сейчас главное? Главное – вырваться из лап маньяка, вот этого, который…

Света открыла глаза и завизжала.

«Математик»! На нее напал не какой-то абстрактный маньяк, а «математик», человек, которому она имела глупость помочь.

Под придавившей ее тушей было трудно дышать, мысли-мухи вылетели из головы и теперь мельтешили перед глазами, мешали смотреть. А на что смотреть? На рожу эту небритую?..

Света зажмурилась, впилась зубами в ладонь «математика». Вот так! Пусть знает, с кем связался! Она живой не дастся…

Боже, живой не дастся! Да кто ее будет спрашивать?! Он же маньяк, может, ему неживые больше нравятся?..

– Так, последний шанс, Белоснежка! – Голос злой, даже свирепый. – Если ты сейчас же не успокоишься…

Конечно, она не успокоится! Она хочет жить, а не успокаиваться…

Давление немного ослабло, и она тут же этим воспользовалась: с силой пнула маньяка коленом в пах. Послышался разъяренный вой, щедро приправленный нецензурной руганью, и на Свету обрушился каскад холодной воды!..

– Чокнутая! Истеричка! – Рев перешел в рычание. – Надо было оставить тебя подыхать в том сквере!

– Бурый, ты мне тахту водой залил! Придурок! – а это уже другой голос – высокий и истошный. Значит, маньяков двое…

Света рывком села, отбросила с лица мокрые волосы, осмотрелась. Комната большая, захламленная: много мебели, включенный компьютер, на столе перед монитором лежит полосатый кот и таращится на нее единственным глазом, на полу, в метре от тахты, корчится «математик». Так ему и надо, извращенцу проклятому! А вот и второй – хлюпик в инвалидном кресле, смотрит с ненавистью, бормочет что-то себе под нос. Банда отморозков…

– Ты чего, коза, друга моего покалечила?! – Хлюпик погрозил ей кулаком, но с места не сдвинулся. – Видал, Бурый, к чему доброта приводит?! Надо было ее сразу в психушку!

Ее в психушку?! Да это их надо в психушку, вместе с котом!

– Ну, чего вылупилась? – не унимался хлюпик. – Вставай давай! А то расселась тут, понимаешь! Всю тахту мне испоганила! На чем я теперь спать буду?

Света встала: не потому что испугалась хлюпика, а потому что на спинке стула увидела свою куртку, а там, в кармане, лежит газовый баллончик. Если «математик» попробует к ней еще раз сунуться, она его без глаз оставит.

– Все, встала. Успокойся, – она сделала осторожный шаг к стулу.

– Стоять! – Хлюпик оказался намного опаснее, чем она сначала подумала. Он целился в нее из пистолета…

Света замерла. Тут уже не до бравады…

– Сеня, да не пугай ты ее! – это уже «математик». Поднялся с пола, осторожно, бочком, уселся на стул. Да, с ударом она все верно рассчитала. Теперь этот урод еще как минимум день сидеть нормально не сможет.

– Добренький, да? – Хлюпик, которого «математик» называл Сеней, опустил пистолет. – Меня надо было слушаться, сейчас бы ничего не болело, – он ехидно ухмыльнулся, а «математик» страдальчески поморщился.

– Что происходит? – отважилась спросить Света. – Зачем я вам?

– Да ты нам на хрен не нужна, моль белобрысая! – сообщил Сеня. – Без тебя сто лет жили и еще столько же проживем.

– Тогда почему я здесь? – Она ничего не понимала и даже на «белобрысую моль» не обиделась.

– Потому что мой друг, – он кивнул на «математика», – из породы вшивых романтиков. Он считает, что если дама попала в беду, то ее обязательно нужно спасать.

– Какая дама?

– Вот и я говорю – какая дама?! Ладно бы там Анжелина Джоли или Мэрилин Монро, на худой конец, а то ты, карикатура нераскрашенная!

– Ты меня спасал? – Света перевела изумленный взгляд на «математика».

– Спасал, но уже об этом сожалею, – буркнул тот.

– А от кого?

– Тебе виднее. Я их рассмотреть не успел, они по мне сразу огонь открыли.

– Кто?!

– Те веселые ребята, которые хотели тебя похитить.

– Меня хотели похитить? – В голове завертелся калейдоскоп образов: черные провалы глазниц, острые клыки, красная луна и тошнотворный запах крови… Света сжала виски руками, зажмурилась.

– Вспомнила? – поинтересовался «математик».

Она молча кивнула.

– Ну, так, может, расскажешь нам, кто они такие?

– Я не знаю, – она открыла глаза. – Я просто шла-шла, а они как из-под земли появились.

– Они и исчезли, точно под землю провалились, – согласился «математик». – В общем, так, Белоснежка, собирай свои манатки и иди куда шла. А то, как я посмотрю, от тебя одни неприятности.

Света глянула в окно, поежилась.

– Там темно.

– Ясное дело – темно. Четыре часа ночи, как– никак. Но через полчасика начнет светать. Иди и скажи спасибо, что я тебя в сквере не бросил.

– Это они меня так? – Света потрогала ноющую челюсть. – Те люди?

– Нет, это я, – сообщил «математик» со злорадной усмешкой.

– Зачем?

– Затем, что после общения с веселыми ребятами ты стала как зомби, несла всякую ахинею про ангелов и на внешние раздражители не реагировала.

– Я?!

– Нет, моя бабушка! Слушай, Белоснежка, ты меня в казино выручила, я тебя в скверике от злодеев спас. Все, мы квиты! Иди уже, у нас еще дел полным-полно.

Она не хотела никуда идти. Эти двое, конечно, уроды и дегенераты, но по сравнению с теми страшными людьми все их недостатки кажутся вполне простительными.

– А можно я…

– Нет! – Сеня не дал ей договорить. – Вали отсюда. Виталик, ну что ты расселся?! Проводи даму до двери.

– Сама дойдет, – буркнул «математик», который, оказывается, никакой не «математик», а всего-навсего Виталик.

– Мне бы только до утра, – она заискивающе улыбнулась. К черту гордость, собственная шкура дороже!

– Ты глухая? – спросил «математик» Виталик и швырнул в нее курткой. – Переговоры закончены, Белоснежка!

– Я не Белоснежка!

– А мне без разницы! Дверь, надеюсь, найдешь!

…От бетонных ступенек лестницы тянуло холодом. Мокрая блузка противно липла к телу, а зубы выбивали барабанную дробь. Никуда она не пойдет на ночь глядя! И пусть скандалистка Ада затаскает ее по судам, она с места не сдвинется, пока не рассветет. Будет сидеть на лестнице в чужом подъезде, клацать зубами и ждать полноценного рассвета.

Где-то вверху хлопнула дверь, послышались шаги.

– Сидишь? – спросил «математик» Виталик.

– Сижу.

– А домой почему не идешь?

– Боюсь, – Света посмотрела на него снизу вверх и спросила без особой надежды: – Может, ты меня отвезешь?

– Куда?

– Домой?

– А такси вызвать не пробовала?

– У меня мобильного с собой нет.

– А у меня времени нет. Ладно, Белоснежка, я пошел. Через полчаса автобусы начнут ходить, недолго тебе осталось мучиться.

– Я не Белоснежка, – буркнула она и отвернулась.

– Да мне как-то все равно. Счастливо оставаться!..

Рене де Берни. Византия. Весна 1097 г.

Слава Господу нашему, мы достигли наконец Византии! Константинополь – город столь же прекрасный, сколь и чуждый моему взору. Роскошные белокаменные дворцы и убогие бедняцкие лачуги, диковинные растения и чудные животные. Но самое удивительное – люди. Мужчины в длинных одеждах, более подходящих женщинам, а женщины такие прекрасные, что, каюсь, на непозволительно долгое мгновение я позабыл о своей маленькой Клер. И все эти они – мужчины и женщины, аристократы и чернь – смотрят на нас со страхом и презрением. Для них мы, оказывается, не освободители от сельджукского ига, а варвары – непредсказуемые и опасные.

Но как же так?! Они же сами нас призвали! Я своими собственными ушами слышал, как епископ Ле Пюи упоминал о письме, которое византийский император Алексей прислал моему сюзерену Раймунду Тулузскому. В том письме говорилось о чудовищном положении империи, о том, что Византия терпит страшные бедствия от набегов печенегов и бесчинств сельджуков, что Константинополь, оплот христианства, под угрозой.

Где угроза?! Где бедствия и притеснения?! Город нежится в праздности и роскоши, а его жители смотрят на нас как на диких северных варваров.

А что они хотели? Мы не хитрые купцы со сладкими речами и набитыми золотом кошельками. И не благостные пилигримы в полуистлевших под жарким солнцем рубищах, со стертыми в кровь ногами. Мы воины Христовы! А воины не могут быть робкими и смиренными.

– Здешнее вино – дрянь! – Одноглазый Жан, не то сын, не то бастард графа де Моли, баюкает вывихнутую в недавней драке с заносчивыми греками руку и хмурится, но тут же светлеет лицом, замечая на противоположной стороне улицы хорошенькую девчонку. – Эй, красавица, не одаришь храброго рыцаря хотя бы улыбкой?

Девчонка испуганно вздрагивает и торопливо прячется от похотливого взгляда Жана в узком проулке.

– Не одарит, – в голосе Одноглазого нет сожаления. В огромном городе всегда сыщется добрая женская душа, согласная за пару монет, а то и просто так утешить доблестного рыцаря. – Слышал новость, Рене? – Жан залпом допивает остатки вина, а опустевший кубок швыряет в пыль у своих ног. Может, поэтому нас и называют варварами? – Кажется, мы скоро снова тронемся в путь. Греки пообещали переправить нас через Босфор.

– Скорее бы! – От новости на душе теплеет. Надоело просиживать штаны, пить дрянное вино и мечтать о подвигах. Нас ждут великие свершения, и лучше бы поторопиться.

– Рвешься в бой, сосунок? – Единственный глаз Жана смотрит снисходительно и, кажется, с жалостью.

Я не успеваю ответить, Жан хлопает меня по плечу с такой силой, что мне едва удается устоять на ногах.

– Будет тебе бой, Рене де Берни. Гляди, еще запросишься обратно домой, под мамкину юбку.

– Моя матушка умерла, – с силой сжимаю рукоять меча, мой жест не укрывается от Одноглазого.

– Горячий! Я сам таким был, лет этак двадцать назад. Плохо, что горячий, горячих убивают самыми первыми.

– Только не меня! – упрямо встряхиваю головой, и Жан неожиданно легко соглашается:

– Да, только не тебя. Ты бессмертный, – в черной с проседью бороде прячется хитрая улыбка. – Ладно, великий воин Рене де Берни, пойдем, я познакомлю тебя с цыпочкой, которая сделает из тебя еще и великого любовника…

Избранница

Входная дверь была открыта. Значит, товарищи из аварийной службы не стали дожидаться хозяйку, а просто взломали квартиру. С одной стороны, их можно понять – выдержать вопли Аделаиды Карловны по силам не каждому. А с другой – это что же получается? Вломились в чужое жилище, починили что нужно и ушли? Даже дверь плотно закрыть не удосужились. Приходи, значит, вор, бери что хочешь…

– По судам затаскаю, – проворчала Света, переступила порог и застонала.

Ее квартира пережила стихийное бедствие – это неоспоримый факт. На полу лужи и вереницы грязных следов. В воздухе пахнет отсыревшей штукатуркой. Обои в прихожей угрожающе пузырятся. А из комнаты доносится подозрительный шорох…

Сердце испуганно замерло, а перед глазами снова закружились мухи. Света попятилась обратно к двери. В этот момент в прихожую, зевая и потягиваясь, вышел дворник Митрич.

– Явилась, непутевая, – он укоризненно покачал головой. – Ну проходи, чего стала как статуй?

– А что вы тут делаете? – спросила Света, прислушиваясь к бестолковому трепыханию своего сердца.

– Охраняю, – Митрич приосанился.

– Что охраняете?

– Так квартирку твою. Тебя же черти всю ночь где-то носят, вот управдом и велел присмотреть за хозяйством.

– А что здесь случилось? – Света заглянула сначала на кухню, потом в ванную.

– Это ты меня спрашиваешь?! – возмутился Митрич. – Можно подумать, это я кран забыл закрыть и пробку из ванны вынуть! Эх, что за молодежь пошла непутевая!

– Я не включала воду.

– Аделаида Карловна, бедняжка, так кричала, так кричала, весь дом на ноги подняла. Вызвала пожарников, «Скорую» и милицию. Хотела еще телевидение, но там трубку никто не брал, она теперь на них в суд подавать будет.

– Кто бы сомневался, – Света поежилась. – Митрич, а вы своими глазами видели, что слив в ванне был закрыт?

– Конечно, когда вода начала через порог переливаться, хлопцы из аварийки решили дверь ломать. Кстати, Светуся, замок у тебя никчемный, такой ногтем подковырни, он и откроется. Надо бы…

– И слив был закрыт? – перебила его Света.

– Ясное дело – закрыт. В ванной воды по колено, и слив закрыт.

– А куда вода делась?

Митрич хитро зыркнул на нее и ударил себя кулаком в грудь:

– Говори мне спасибо, Светуся! Это я тут два часа с тряпкой ползал, воду убирал. Если бы не я, Аделаиду Карловну точно «Скорая» бы забрала, а так только укол какой-то сделали и посоветовали беречь нервы.

– Чьи? – ехидно поинтересовалась Света.

– Так свои. Чьи ж еще? Светусик, – голос Митрича стал заискивающим, – я тут это… тоже весь изнервничался. Сначала Аделаида Карловна меня за управдомом гоняла, потом воду убирал. Квартирку твою опять же без присмотра не бросил.

– Все поняла, Митрич, – она сунула дворнику сотенную бумажку, – вот вам за беспокойство.

– Ой, понятливая ты, Светуся, девка, – расплылся тот в довольной ухмылке. – Непутевая немножко, но то ж от молодости. Я тебе знаешь что скажу, – Митрич воровато огляделся и

перешел на шепот: – Аделаида Карловна станет говорить, что ты ей мебель старинную попортила, не верь. Я у ней внизу был, ничего там не попорчено, только потолки. Так потолки – это дело плевое, у меня маляр есть знакомый, берет недорого.

– Спасибо, Митрич, – поблагодарила Света, распахивая входную дверь.

– А с водой ты в следующий раз поосторожнее.

– Конечно, конечно! – Она вытолкала наконец дворника из квартиры, защелкнула замок, прижалась спиной к отсыревшей стене.

Да что же это творится? Она точно помнила, что закрывала воду. Тогда откуда потоп? Может, Митрич спьяну что-то напутал, может, просто трубу прорвало. Надо проверить, еще раз все внимательно осмотреть.

Повторный осмотр ничего не дал. Ни в ванной, ни в туалете, ни на кухне не было видно никаких следов сварки. Значит, все-таки кран…

И уборку она зря делала – эти, из аварийки, тут так натоптали. Мысль об уборке стала последней каплей, Света плюхнулась на грязный пол посреди прихожей и разревелась.

Наплакавшись до икоты, она решила действовать. Для начала нужно насухо вытереть полы, потом принять душ и поесть. На занятия она сегодня не пойдет, пусть ее хоть из университета отчисляют. Сегодня она будет спать до самого вечера. Отключит звонок и телефон, чтобы на сей раз ей никто не смог помешать. Кстати, о телефоне…

Света прошлепала на кухню, просмотрела память мобильного. Шесть неотвеченных вызовов от Ритки. Подружка ее теперь живьем съест. Лучше отзвониться прямо сейчас, а то Ритка, чего доброго, заявится сама и снова не даст выспаться. Света набрала знакомый номер, прижала трубку к уху. «Аппарат абонента выключен или временно находится вне зоны действия сети», – сообщил механический голос. Правильно, Ритка не дура, она свой телефон предусмотрительно отключила, чтобы никто не потревожил ее сон. Вот к обеду отоспится и начнет названивать сама.

– А мой аппарат тоже вне зоны действия сети, – сообщила Света и выключила мобильный.

На то, чтобы привести в порядок себя и квартиру, понадобилось чуть больше часа. За окнами было уже совсем светло – в хлопотах она не заметила, как наступило утро. Осталось перекусить, и можно ложиться спать. Все равно мозги сейчас совсем не варят.

Света как раз дожевывала бутерброд, когда в дверь настойчиво позвонили. Аделаида! Как пить дать Аделаида. Пришла устраивать ей джихад за испорченное имущество. «Может, не открывать?» – мелькнула трусливая мысль.

– Светка, паскуда, открывай! – послышался из-за двери дребезжащий голос. – Я знаю, что ты дома, террористка! Слышала, как ты там топаешь! Открывай, а то милицию вызову!

Света сделала глубокий вдох, распахнула дверь, едва не пришибив ею соседку.

– Доброе утро, Аделаида Карловна, – сказала она как можно вежливее.

– Доброе?! Где ты тут видишь доброе утро?! – взвизгнула старушка, просачиваясь в квартиру.

– Аделаида Карловна, я все оплачу, – Света решила брать быка за рога.

– Что ты мне оплатишь? – подбоченилась соседка.

– Ремонт.

– Ремонт?! А кто оплатит мне загубленную антикварную мебель, персидский ковер и Васнецова? А? Я кого спрашиваю?

Вообще-то, мебель у Аделаиды Карловны была никакая не антикварная, а просто дряхлая. Там и мебели-то – продавленный диван, этажерка да скрипучий шифоньер. Ковров персидских у нее отродясь не водилось, так, синтетический половичок, затертый до дыр. А Васнецов? Ну, с Васнецовым дела обстояли сложнее. Поди сейчас отыщи репродукцию его «Аленушки» шестидесятого года выпуска. Вот это, пожалуй, антиквариат.

– Ну, что ты молчишь, проходимка?! – Аделаида Карловна схватилась за сердце и закатила глаза. – Кто нервы мои расшатанные вернет, здоровье загубленное?!

– Сколько? – спросила Света.

– Что – сколько? – алчно зыркнула на нее соседка.

– Сколько денег вам нужно, чтобы отреставрировать мебель, заменить персидские ковры и разобраться с расшатанными нервами?

– Откупиться надумала?! – Аделаида Карловна задохнулась от праведного гнева. – Ишь, богатейка выискалась! Знаем мы, чем ты по ночам зарабатываешь! Мне твои грязные деньги без надобности, греховодница! Деда своего, царствие ему небесное, в могилу свела и меня хочешь свести? Не дождешься!

– До свидания, Аделаида Карловна, – сказала Света с мрачной решимостью.

– Что?! Да как ты?.. Да я тебя!..

– По судам затаскаете – я в курсе. А сейчас дайте мне, пожалуйста, возможность побыть одной. Видите ли, после бурной ночи я хотела бы отдохнуть.

– Значит, по-хорошему мы не желаем, – прошипела Аделаида Карловна. – Значит, мы умные шибко. Ну-ну!

– Выйдите из моей квартиры, – отчеканила Света и распахнула дверь пошире, чтобы соседке было удобнее выходить.

– Ты еще пожалеешь!

– Не сомневаюсь.

– Да я в ЖЭК жалобу напишу, и на работу твою, и в институт, и в суд…

– Про Гаагский трибунал не забудьте, – подсказала Света, вежливо, но неуклонно тесня разбушевавшуюся соседку к выходу.

– Думаешь, ты от меня так просто отделаешься? Да я… – Выслушивать список мер, которые предпримет Аделаида Карловна, Света не стала, захлопнув дверь прямо у нее перед носом.

Увы, она недооценила борцовские качества соседки – через мгновение заверещал дверной звонок. Аделаида Карловна не желала сдаваться. Пришлось звонок отключить, но и это не помогло – дверь содрогнулась под градом ударов. И откуда у этой мымры столько энергии?!

Энергии хватило на пятнадцать минут активных действий, а потом из-за двери послышался страдальческий стон и причитания – началась вторая часть марлезонского балета. Света ни на секунду не сомневалась, что очень скоро к их дому подъедет «неотложка», спасать «умирающую от инфаркта» Аделаиду Карловну. Она «умирала от инфаркта» с периодичностью один раз в неделю, и сотрудники «Скорой» их дом уже тихо ненавидели, потому что «умирающая» регулярно строчила на них жалобы во все инстанции «за некачественное обслуживание, жестокосердие и врачебную халатность».

Предположения подтвердились: через десять минут с улицы послышался вой сирены. Света выглянула в окно. Аделаида Карловна лежала на скамейке перед подъездом – наверное, специально спустилась, чтобы медикам было сподручнее спасать ее от инфаркта – и оглашала окрестности душераздирающими стонами. Рядом суетился Митрич. Чуть поодаль стояла парочка «собачников» вместе с притихшими питомцами. Мысленно пожелав удачи врачам, Света закрыла окно и для надежности задернула шторы. Все, теперь спать.

Сон пришел сразу, едва только Светина голова коснулась подушки. Нельзя сказать, что он был безмятежным. Ей снился страшный незнакомец, пустынная аллея и красные луны в провалах черных глазниц. Ей снились Митрич с лысой метлой и что-то вещающая с трибуны Аделаида Карловна, а еще рулетка и «математик» Виталик – замечательный набор персонажей, просто великолепный. Поэтому, наверное, не было ничего удивительного в том, что проснулась она не вечером, как планировала, а в половине двенадцатого дня.

Света села в постели, потерла глаза, прислушалась к себе. В целом все было нормально, организм отдохнул и рвался в бой. Ей, кстати, было что ему предложить. Если поторопиться, то вполне можно застать декана на месте…

Диск декану не понравился настолько сильно, что он даже не стал его просматривать, а сразу зашвырнул в мусорку.

– У меня есть копия, – на всякий случай предупредила Света, – специально для вашей супруги.

– Это грязный шантаж! – Его лицо пошло багровыми пятнами.

– Да, – девушка согласно кивнула, – но вы не оставили мне выбора.

– Что ты хочешь, Корнеева?

– Проще сказать, чего я не хочу. Я не хочу, чтобы вы прилюдно меня оскорбляли. А еще я не хочу ходить на субботние отработки.

– Это все? – Декан обмахнулся галстуком, как показалось Свете, с облегчением.

– Да.

– Я подумаю.

– Подумайте, пожалуйста, прямо сейчас, – она решила проявить настойчивость.

– Хорошо, – декан шумно выдохнул воздух, – но тебе, Корнеева, это с рук не сойдет, имей в виду.

– На том диске видно, как вы целуетесь с девушкой легкого поведения, – Света безмятежно улыбнулась. – Если это не заинтересует вашу жену, то в Интернете найдется немало желающих полюбоваться на чужие пороки. Всего хорошего, – дожидаться ответа не было смысла, все равно оппонент примет правильное решение.

Уйти домой незамеченной не удалось, в холле Света нос к носу столкнулась с Иваном.

– Корнеева! – он поймал ее за рукав куртки. – Это что еще за дела? Тебя почему сегодня на занятиях не было?

– Так вот она я, – бодро отрапортовала Света.

– Совесть только к обеду проснулась? – усмехнулся староста.

– Совесть и я вместе с ней. Ванечка, я сюда по делу забегала, можно я пойду?

– А учеба – это не дело? – Иван нахмурился. – Корнеева, ты что, с Ритки пример решила взять? Так смотри, этот пример до добра тебя не доведет.

– А при чем здесь Ритка?

– А при том, что эта оторва на занятия тоже не явилась.

– Ну, так у нее же новая любовь, – Света нашарила в сумке мобильный.

– Любовь новая, а «хвосты» старые, – изрек Иван. – Ты кому звонить собралась?

– Ритке, буду ее вразумлять, – она набрала номер подруги.

– Бесполезно, – Иван махнул рукой, – я уже пытался вразумить, но у нее телефон отключен.

– Наверное, еще не проснулась после вчерашнего свидания, – предположила Света, вслушиваясь в гудки вызова.

– Уже третий час дня! Что значит – не проснулась?

– А чего ты так переживаешь, Ванечка?

– Если не я, то кто? – буркнул Иван и нахмурился.

– И то верно. Если ты за нас, непутевых, не порадеешь, больше никто не порадеет. А давай заключим сделку. Я сегодня на последнюю пару не иду, а за это обязуюсь найти Ритку. Вань, ну физкультура ж последней парой! Ну, грех же ее не пропустить.

Иван поколебался, но скорее для проформы, а потом согласился:

– Хорошо, а физруку скажу, что у тебя живот разболелся.

– Он у меня уже на прошлой неделе болел. Давай лучше голова. Голова – это как-то элегантнее.

– И так же неправдоподобно, – отрезал Иван. – Ладно, иди, Корнеева, я что-нибудь придумаю.

Ритки дома не оказалось. Ее папаня-алкоголик, обдавая Свету ядреным перегаром, сообщил, что доча со вчерашнего дня не появлялась. Как убежала на свиданку в какой-то голубой – прости, господи! – ночнушке, так больше и не показывалась. И если вдруг Света эту шалаву раньше него встретит, то пусть передаст, что назад ей ходу нет, потому как не позволит он позорить свое честное имя.

Заверив разошедшегося родителя, что передаст блудной дочери все слово в слово, Света выскочила за дверь и со стоном облегчения высунулась в распахнутое настежь подъездное окно, чтобы глотнуть свежего воздуха. Вволю надышавшись и налюбовавшись окрестностями, она задумалась о своих дальнейших планах. То, что Ритка до сих пор не объявилась, было подозрительно. То, что она даже не позвонила, казалось подозрительно вдвойне. После каждого своего романтического свидания подружка представляла Свете подробнейший отчет, в красках описывала, что они с кавалером делали, где бывали и о чем разговаривали, если, конечно, дело доходило до разговоров. Как правило, свидание начиналось и заканчивалось в постели возлюбленного, потому как возлюбленные Ритке неизменно доставались очень темпераментные и нетерпеливые. А что же случилось на сей раз? Неужели новый поклонник оказался настолько уникальным, что ради него Ритка решила наплевать и на отчий дом, и на учебу, и даже на лучшую подругу? Да еще и телефон отключила, чтобы ничто не омрачало ее новорожденного чувства.

Света еще раз набрала Риткин номер, но лишь затем, чтобы убедиться, что «аппарат абонента выключен». Остается только ждать, когда подруга сама пожелает выйти из подполья, а высвободившееся время провести с максимальной пользой для измученной недавними невзгодами психики. К примеру, весь вечер проваляться перед телевизором. Когда еще выдастся такое незатейливое счастье?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.